
Олим Бабаев
Сын Сугуды

Олим Бабаев

Сын Сугуды

«Автор»
2026

Бабаев О.

Сын Сугуды / О. Бабаев — «Автор», 2026

Далеко за стенами Мараканды, за хребтами Паропамиза, где кончаются козьи тропы и начинаются караванные пути, уже строятся в походные колонны фаланги двурогого Искандара. Ветер с запада принёс запах пыли и железа — и молодой согдийский живописец Фравар узнал его раньше, чем понял: неумолимые шестерни судьбы уже провернулись. Он привык держать кисть — но судьба вложит ему в руку копьё. Кистью станет сталь, красками — кровь. Он уже не будет прежним.

© Бабаев О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. За Яксартом 6
Глава 1. Фравар 7
Глава 2. У наместника Курешаты 14
Глава 3. К жемчужной реке 23
Глава 4. Степь 29
Глава 5. Зарина 35
Глава 6. Потерявшаяся стрела 41
Глава 7. Болхан 47
Глава 8. Аргамак 53
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Олим Бабаев
Сын Сугуды

Не станет нас. А миру — хоть бы что!
Исчезнет след. А миру — хоть бы что!
Нас не было, а он сиял и будет!
Исчезнем мы… А миру — хоть бы что!
Омар Хайям (перевод Ивана Тхоржевского)

Часть первая. За Яксартом

Глава 1. Фравар

Там, в голубом небесном фонаре,
Пылает солнце: золото в костре!
А здесь, внизу — на серой занавеске
Проходят тени в призрачной игре.
Омар Хайям (перевод Ивана Тхоржевского)

По выжженной равнине Месопотамии неслась колесница Дараяваушa. Правое колесо подпрыгнуло на камне и зависло в воздухе — спицы слились в бешеном вращении. Кони выгибали шеи; там, где копыта касались земли, вздымалось охристое облако пыли. Царь держал тетиву у уха, лук натянут до предела. В глазах охотника горел азарт. Ещё мгновение — и стрела со свистом уйдёт в смертельный полёт.

Фравар вытер руки тряпкой и отступил на шаг, склонив голову набок.

Затравленный лев, готовый к последнему прыжку, уже раскрыл пасть: беззвучный рёв навсегда застыл в жёлтой глине. Это лучшее, что вышло из-под его кисти. Наконец-то он поймал то, что искал. Всего три цвета: киноварь, жжёная умбра, меловой белый. Цвета раскалённого песка и запёкшейся крови — ни единого лишнего тона. В дрожащем свете масляной лампады тени от фигур ползли по стене — и казалось, вот-вот сорвутся. Вот оно, волшебство — живая правда.

К полудню зной в Курешате достиг такого накала, что даже тени попрятались в щели. Фравар отшвырнул кисть из голубиных перьев в горшок и размял затёкшую спину. Киноварь въелась в кожу — промасленная тряпка не помогла, только размазала краску. Руки выглядели так, будто их покрасили хной. Он бросил тряпку на пол.

Три дня он не выходил из комнаты. Теперь он стоял посреди неё и смотрел. Фреска заняла всю восточную стену — от суфы, где он спал урывками, до узких щелей под потолком, где посвистывал сквозняк и в столбе света кружились пылинки. Он шагнул ближе и прижал ладонь к поверхности: штукатурка ещё не просохла, пальцы ощутили влажный, почти могильный холод. Живописец медленно провёл рукой вдоль стены — мимо оскаленной морды коня, мимо разинутой пасти льва, мимо неба, которое выжало из него все соки, пока не добился цвета расплавленного железа. Холодная глина. Горячая пустыня. Он убрал руку и стёр со лба пот.

Фравар не отрывал взгляда от царя царей. Вдруг дыхание перехватило — будто кто-то сжал горло. Улыбка, едва успевшая тронуть губы, застыла, превратившись в безжизненную маску.

Только сейчас он понял, отчего по спине — от затылка до поясницы — пополз ледяной холод, медленный, как змея. Положение бровей, разрез глаз… Сомнений не осталось. Он — Фравар, сын простого красильщика из Мараканды — наделил персидского царя-завоевателя, владыку Азии, своими чертами.

Мир рухнул: со стены на него смотрело его собственное лицо в царском венце. В груди заколотило, мысли смешались. Что теперь будет? За такое в Согдиане можно лишиться руки. А то и головы.

Но ведь никто не заметит. Простая, ясная мысль — и паника начала отступать. Ледяной ком в груди таял. В висках перестало стучать. Он снова владел собой.

У царя — густая завитая борода и золотые доспехи. У Фравара — жидкая поросль на подбородке, краски под ногтями и рваный халат, донашиваемый за братом. Нет, никто не разглядит сходства. Кто он такой? Оборванец, которого не узнают на улице. Но сам-то он заметил — и пусть так.

Это будет его местью: за смерть брата в Киликии — брата, который учил его держать кисть и смеяться над неудачами, — за горе матери, не дождавшейся сына, за отца, которого обобрали до нитки. Пусть это станет его бунтом. Дерзостью. Вызовом этому несправедливому миру.

Молодой человек принял царственную позу, мысленно представив себя на месте владыки. Хорош царь — властелин глиняной стены.

В бренный мир художника вернул шум, доносившийся снаружи. На улице что-то происходило.

Внезапно молодой живописец услышал, как скрипнули карагачевые ворота, и послышались быстро приближающиеся шаги.

— Фравар, собирайся! — В зал ворвался сотник Апвахиан, хозяин дома. Он на мгновение замер, окинув взглядом законченную фреску, затем торопливо направился к глиняным горшочкам с красками, собираясь их складывать в корзину. — Шевелись, оборванец! Великая честь выпала тебе: сам фратарака Оксиарт, наместник Курешаты, велит тебе предстать перед его царственными очами. Пошевеливайся, червь!

— Господин сотник! — Фравар метнулся поперёк комнаты и встал перед полкой с горшочками, раскинув руки. — Во имя Ахура-Мазды, не касайтесь их!

Апвахиан отдёрнул уже протянутую руку.

— Здесь не просто краски. — Фравар понизил голос до шёпота, наклонился к сотнику и повёл взглядом по горшочкам, точно указывал на гадюк в траве. — В лазури — толчёный скорпион. Сушёный, истёртый в пыль. В киновари — кровь летучей мыши, собранная в ночь новолуния. Обе твари — слуги Аримана. Пусть они мертвы… — Он выдержал паузу, давая слову «мертвы» повиснуть в воздухе. — но печать зла с них не снята. Одно касание пальцем — и демон болезни войдёт прямо сквозь кожу. Я видел такое, господин Апвахиан.

Фравар прижал ладонь к сердцу и смиренно опустил глаза.

— Работа окончена, мой господин. Стена готова. Вы же помните уговор — оплата серебром. Через месяц, когда глина и краски встанут намертво, я нанесу поверх особый лак — с молитвой, с благодатью Ахура-Мазды. Тогда скверна уйдёт навсегда, и дом ваш будет чист. — Он поднял взгляд — в нём горело праведное усердие. — Всего четверть дарика. Да не оскудеет ваша щедрая рука, господин.

Кровь ударила сотнику в лицо — жилы на шее вздулись, рука сжалась в кулак.

— Я, Апвахиан, меня знают от Мараканды до Курешаты! — Голос сорвался на хрип. — Ты, ничтожество, смеешь указывать мне? Ставить под сомнение мои слова?!

Фравар не слушал. Он лишь краем глаза поглядывал на Апвахиана, а сам неспешно брал баночки двумя пальцами и одну за другой заворачивал в ветошь — без лишних движений, будто прикасался к склянкам с ядом. Эта показная осторожность сбила сотника с толку: тот умолк, желваки напряглись на его скулах, кулак разжался, и кошель со звоном упал к ногам живописца. Фравар улыбнулся, продолжая укладывать краски.

— Там хватит на новый халат, плут. — Сотник одёрнул пояс. — Плачу вдвое, хотя ты этого не заслужил. Работа того стоила — не спорю. — Он немного помолчал, не отрывая взгляда от Фравара. — Когда встретишься с наместником, — сотник чуть понизил голос, и сквозь привычную спесь в нём прорвалось что-то, похожее на просьбу, — не забудь шепнуть: его верный воин умеет быть щедрым.

Художник спрятал кошель за пазуху, ощущая приятную тяжесть персидского серебра. Закончив с красками, он надел халат, подпоясался кожаным ремнём, на котором висел отцовский кинжал, последний раз взглянул на свою фреску и вышел из прохлады дома на раскалённую улицу.

За спиной глухо ударили тяжёлые ворота, звякнули засовы. Для Фравара этот лязг прозвучал музыкой — концом всех прежних несчастий. Начиналась новая жизнь. Теперь он — хвала Ахура-Мазде! — стал художником, которого зовут к вельможному двору.

Углы губ дрогнули в усмешке. Он вспомнил, как сотник чванливо водил гостей глазеть на незаконченную роспись, а теперь с раболепной поспешностью был готов переставлять запачканные горшочки, лишь бы поскорее выпроводить его из дома.

Оно и понятно — разве можно заставлять ждать гонца наместника. Взгляд художника скользнул по холёному лицу посланника, всё существо которого кричало о достатке. Каков же сам Оксиарт, если его простой гонец выглядит не хуже царя, нарисованного на стене. Гонец, будто прочитав мысли живописца, загадочно улыбнулся и они тронулись в путь.

На вершине кургана, у подножия «башни молчания», замерла процессия. Фравар невольно замедлил шаг и вгляделся в далёкую картину. Провожатый, заметив, куда устремлён взгляд юноши, не стал торопить его. Он достал из-за пазухи цветастый платок и демонстративно прикрыл нос, словно запах смерти мог достичь их здесь, или сделал это из уважения к обычаю. Фравар, чтобы не показаться невеждой, последовал примеру и прикрыл лицо рукавом.

Издали всё казалось почти нереальным: белые фигуры в длинных одеждах, неподвижные носилки под белым балдахином, суровый силуэт древней башни на фоне неба.

Башни молчания и всё, что связано со смертью, всегда вызывали в нём благоговейный трепет, и он старался держаться в стороне от этой темы.

В памяти всплыл рассказ одного атрована о заветах Заратуштры: праведные почитают землю, воду и огонь священными, а потому не оскверняют их мёртвыми телами. Закапывать покойника — значит осквернить землю. Сжигать — оскорбить священный огонь. И мудрецы избрали иной путь: возвести башню на возвышенности, вдали от жилищ и источников, чтобы птицы-падальщики очистили кости от плоти, а дожди и ветры завершили очищение.

Он знал, что служители погребального обряда — населлары — действуют строго по завету Заратуштры. Сейчас они, должно быть, совершают положенные молитвы, касаются носилок лишь через ткань, оберегая себя от скверны смерти. Фравар не мог разглядеть подробностей — расстояние скрадывало детали, — но воображение живо дорисовывало картину: белые одежды, лица, скрытые масками, плавные, почти танцевальные движения.

Где-то в глубине души шевельнулось уважение к этой древней профессии, к её строгой логике и почти безупречной чистоте обрядов. В них не было кричащей скорби — лишь спокойная сосредоточенность перед лицом вечности.

«Они не оплакивают, — подумал Фравар. — Они помогают душе совершить переход».

Он представил, как тело поднимут на открытую площадку башни, где птицы съедят плоть, а ветры и дожди отполируют кости до ослепительной белизны. Когда кости обесцветятся и станут гладкими, они осыпятся сквозь решётку в колодец — там, внизу, завершится последний круг очищения.

И тогда душа, освободившаяся от бренной оболочки, сможет без страха ступить на мост Чинват — тонкий, как волос, над бездной, — и пройти испытание: если праведна была жизнь, даэна — прекрасная девушка-душа — поведёт её в Дом Песнопений, к свету Ахура-Мазды.

Если же нет…

Фравар глубоко вдохнул сухой, горячий воздух и прошептал, глядя на носилки с белым балдахином:

— Вечной жизни тебе, незнакомец. Пусть твоя даэна поведёт тебя по мосту Чинват прямо в Дом Песнопений.

Он задержал взгляд на башне и мысленно добавил:

— А мои былые несчастья… Возьми их с собой. Сбрось с того солнечного моста в пропасть. Очисти путь — и для себя, и для меня.

Посланник наместника Оксиарта — полный мужчина с маленькими блестящими глазками на влажном лице — вёл Фравара по узким извилистым переулкам. Шёлковый халат слуги вельможи, расшитый по подолу серебряной нитью, казался здесь чужеродным пятном. Концы цветного платка спускались на плечи, прикрывая короткую тучную шею. Каждая деталь его наряда — от массивного перстня с сердоликом до сандалий с серебряными пряжками — выдавала доверенное лицо богатого повелителя Курешаты, одного из самых процветающих городов Согдианы.

Они шли, будто блуждали по лабиринту между высокими глухими стенами из выжженной солнцем глины. Воздух густел от запахов: дым кузниц, терпкий дух кожи с кожевен, сладковатая нотка мёда и пряностей, доносившаяся с торговых рядов. Узкие улочки то сужались до такой степени, что едва можно было разойтись, то неожиданно расширялись, открывая площади, где кипела жизнь.

По сторонам теснились ремесленные мастерские. У кузнецов звенели молоты, из открытых дверей вырывались дым и оранжевые отблески горнов. За низкими глиняными прилавками расположились гончары: на выступах стен красовались кувшины, чаши и амфоры — от простых до расписанных узорами с горными козлами и солнечными дисками. Чуть дальше торговали тканями: яркие рулоны шёлка и хлопка свисали с деревянных жердей, а мальчишка раскладывал разноцветные мотки пряжи — алые, лазурные, золотистые. Вдоль стен тянулись лавки с сушёными фруктами, орехами, ароматными травами, благовониями и медными украшениями с бирюзой. У одной двери старуха предлагала горячие лепёшки, только что вынутые из печи.

Иногда через стены свешивались зелёные ветви тутовника, осыпая вымощенную плитами улицу белоснежными плодами. Над заборами возвышались плоские крыши, на некоторых алели чашечки красного мака. На одной из них голозадый мальчишка собирал в подол сладкие ягоды, то и дело отправляя их прямиком в рот. Заметив идущего важного господина, он испуганно дёрнулся, пытаясь прикрыть наготу, — и рассыпал часть добычи прямо под ноги Фравару и провожатому. Воздух наполнился сладким запахом раздавленных плодов, а к подошвам прилипла липкая каша.

Спутник художника уже набрал воздух в грудь — поток проклятий был готов сорваться с языка, — но заметил улыбку на лице Фравара и осёкся. Живописец почувствовал, как от посыльного повеяло чем-то похожим на стыд: видно, этот толстый разодетый господин не всегда был таким. Гонец лишь бросил мальчишке гневный взгляд, погрозил кулаком и, фыркнув, двинулся дальше. Его шёлковый халат колыхнулся, поймав блик солнца, перстень сверкнул коротким предупреждением. Солнце царит в небе, а на улицах Курешаты — знать. Фравар знал это не хуже любого из них.

Юноша окинул взглядом уличную суету: всё это — шум, краски, запахи — и была настоящая Курешата. Не парадные дворцы вельмож, а живой, дышащий город, где каждый день — труд, а каждый миг — жизнь.

На просторной городской площади перед домом фратараки Курешаты, в тени большого тутового дерева художник заметил два десятка всадников — саков. Каждый из них восседал на крепком мохнатом скакуне степной породы. По островерхим плотным тюрбанам, широким штанам, причудливо изогнутым лукам и обоюдоострым секирам-сагарисам Фравар сразу опознал кочевников с берегов Яксарта. Красный тон их одежд недвусмысленно указывал на принадлежность к воинскому клану.

Раскосые глаза кочевников недоверчиво скользили по площади, будто ловили малейший признак угрозы. Их кони, чувствуя напряжение всадников, фыркали и нервно цокали копытами по камню, будто рвались в бой — или тосковали по бескрайним просторам, где могли бы вздымать клубы пыли из-под выжженной солнцем травы. Здесь же, на раскалённых плитах, город сжимал им бока своими стенами, лишая привычного простора.

Пока провожатый, смутившись при виде вооружённых степняков, занявших всю улицу, думал, как пробраться к воротам, Фравар, с детства знавший язык саков от матери-скифянки, уже ловил обрывки их разговора.

— Готов поспорить с тобой, благородный Сатрак, на десяток баранов, — сказал уже немолодой, сухой, как карагач, воин, отхлебнув из кожаного турсука кумыс. — Вождь Тириасп ни за что не подчинится этому изнеженному персу Оксиарту, даже если предложить ему табун аргамаков.

— Я верю, — ответил юноша с круглым лицом, расправляя плечи, — что слава царицы Томирис, приказавшей бросить голову Куруша в мешок с кровью, вернёт остроту сагариса моему отцу.

Воин обнажил отточенный акинак и ногтем проверил его лезвие. Раздался чистый, благородный звон металла.

— Помяни моё слово, доблестный Болхан: поскачем мы с тобой за Окс, а то и за седые горы Паропамиза. Доберёмся до самого трона царя царей. — Молодой сак с силой вогнал меч в ножны. — И какая разница, под чьим началом мы это сделаем.

— Секиры наших отцов рубили головы воинам Куруша, — тихо произнёс тот, кого назвали Болхан, и его жилистые пальцы обвились вокруг рукояти кинжала. — А тот царь был велик. Если понадобится — порубим и яунов двурогого Искандара. Пусть только попробует сунуться за Яксарт.

Слушавший их разговор старый воин с рыжей бородой и шрамом на нижней губе сплюнул тростинку, зажатую в зубах:

— Мой сагарис одинаково хорошо рубит головы и воинам Дараяваушa, и Зулькарнайна.

Улица вмиг наполнилась дружным мужским смехом, введя в оцепенение и без того напуганных горожан.

Ворота перед Фраваром и его провожатым открылись без лишних вопросов. Стражник, грузный мужчина с обветренным лицом, обливался потом. Фравар невольно посочувствовал ему: в такую жару торчать в доспехах — настоящая пытка. Чешуйчатый панцирь лоснился от влаги. Широкие наплечники давили на плечи великана. Короткий стёганый поддоспешник, когда-то синий, выцвел и пропитался потом. Кожаные ремни врезались в тело, тяжёлый пояс с мечом оттягивал поясницу. Воин раз за разом проводил ладонью по лицу — пот тут же выступал снова. Он дёргал поддоспешник, пытаясь хоть немного облегчить себе жизнь, но безуспешно.

Шлем давил на голову, влажные пряди липли ко лбу. Льняная повязка под ним, обычно спасавшая от зноя, теперь только прибавляла духоты. Воин дышал тяжело — воздух вокруг словно плавился от жары.

Узнав посыльного фратараки, воин сделал усилие, чтобы голос звучал ровно:

— Наместник сейчас принимает вождя саков. Велел, как только ты явишься с художником, сопроводить его прямиком в сад.

Он едва заметно махнул рукой в сторону двора и, не дожидаясь ответа, шагнул в тень стены — искать хотя бы слабый порыв ветра. Шлем качнулся, поймав солнечный луч; бронзовые чешуйки доспехов тускло блеснули. Фравар смотрел ему вслед и думал: даже доспехи этого человека словно знают, что служба и долг важнее любых удобств.

Они прошли через обширный двор. С двух сторон его обрамляли крытые айваны с рядами резных деревянных колонн. Посреди двора в квадратном мраморном бассейне плескалась прозрачная вода, а в ней медленно плавали золотые и алые рыбы с развевающимися, словно шёлк, хвостами.

Основное здание виднелось в глубине за каменной оградой, над которой высились каскады голубых куполов. У полукруглой арки, увитой ползучими розами, стояли два стражника в кольчугах. Они держали наготове копья, скрещённые перед массивными воротами. Деревян-

ные створки за их спинами украшала искусная резьба, изображавшая сцену охоты: персидский царь в могучем выпаде вонзал меч в пасть царю зверей.

В сад, однако, вела не эта арка, а неприметная дверь в стене левого айвана.

Там, в тени раскидистой чинары, стояла деревянная чарпая — платформа для отдыха с невысокими бортиками по трём сторонам. На пышном персидском ковре лежали мягкие подушки и сложенные шерстяные одеяла, а посреди — низкий столик.

На подносе в серебряной вазе горкой лежали спелые фрукты, рядом — две ещё тёплые лепёшки. Фравар догадался, что всё это собрано прямо здесь, в саду. Ухоженные деревья гнулись под тяжестью плодов — хозяин явно не знал в них недостатка.

Вокруг чарпаи на ветвях висели плетёные клетки из ивовых прутьев. В одних сидели полосатые кеклики, в других — рыжещёкие перепела. Птицы наполняли прохладную тень сада нестройной, но удивительно гармоничной трелью. Провожатый молча указал на подушки и вышел.

Под звонкое «Ка-ка-лик!», «Ка-ка-лик!» куропаток и убаюкивающее «Спать пора!», «Спать пора!» перепелов молодой художник, оставшись один, прилёг на мягких подушках и не заметил, как заснул.

Его разбудили чарующий перебор струн и нежный голос. Со стороны балкона, сквозь листву, струилась песня — чистая и звонкая, будто щебетание горного ручья.

О, воспойте мне, струны, о славе былой,
Как Кир распростёр свою длань над землёй.
Мидия, Лидия и Вавилон —
Это всё Персия, это всё он.
Царства трепетали пред гневом царя,
Цари падали ниц, о пощаде моля.
В чертоги его текла злата река,
И как была она широка
И глубока!
И видел воин во сне седину,
Паропамиза вершин и морей глубину.
Пора развеять сновидений туман,
Проснись! Седлай коня, пехлеван…

— О сияющий Ахура-Мазда! Что за дивная птица, созданная тобой, спела эту песню? — вырвалось у художника прежде, чем он успел осознать, что говорит вслух.

Он лежал не шевелясь, пристыженный собственным восторгом. Сколько лет он не произносил имя бога с таким чувством? Может, он давно перестал верить и лишь притворялся набожным на людях? И вот незнакомый голос вытащил из его души эти слова, как врачуют занозу — больно, но с облегчением.

— Сей нежный глас одарил мою смертную душу нектаром величия сынов твоих. О, Бессмертный Святейший! — повторил он намеренно громко, зная, что на балконе услышат его.

Чарующие переливы лютни вмиг оборвались, уступив место сдерживаемому девичьему смеху.

Фравар вскочил с подушек, так торопился, что ударился коленом о деревянный поручень. Морщась от боли, он раздвинул ветки руками — листья хлестнули его по щеке, оставив влажный след. Голос доносился сверху, из гущи переплетённых ветвей айвы и граната. Фравар вытянул шею и прищурился от яркого света. Ветер качнул крону — и на миг между двумя ветвями мелькнуло золото. Оно трепетало, как огонёк свечи. Фравар моргнул — и золото исчезло. Листья ещё покачивались, словно кто-то только что коснулся их и отступил.

«Кто же это? Неужели та самая дочь Оксиарта, прекрасная Рушанак? — спрашивал себя озадаченный живописец. — Правду говорил торговец киноварью: дочь фратараки — благой дух, спустившийся с небес. Лишь самой Нанейе мог принадлежать сей голос».

Хруст ветки где-то в стороне вернул молодого человека в мир суеты. Он обернулся — и замер. Перед ним стояла рабыня-нубийка, почтительно склонив голову. В тёмных ладонях она держала алый бутон розы.

— Госпожа польщена вашей похвалой её пению, — тихо произнесла рабыня.

Слова были учтивы, но Фравар уловил в них скрытую насмешку.

— Она спрашивает, сможет ли художник, о ком сейчас говорит вся Курешата запечатлеть её красоту?

Сердце Фравара ёкнуло: «Вот он шанс!»

— Неужели сама богиня Нанайя смотрела на меня с этих стен? — воскликнул он, указывая на балкон. — Если это была она, значит, я не в саду, а в раю. Передай госпоже: перед ней Фравар, сын красильщика из Мараканды. Я готов служить той, чей голос покорил мой слух и сердце.

— Госпожа также просила передать, что завтра в это же время она будет ждать здесь молодого живописца, — нубийка загадочно улыбнулась и коснулась нарцисса на клумбе. — По персидскому обычаю юный пехлеван должен передать ей цветок.

— Передай прекрасной Рушанак, что в саду её отца нет цветка, достойного её красоты, — Фравар запрокинул голову к небу. — Я сорву для неё звезду!

Нубийка прикрыла рот ладонью, но в глазах её вспыхнула искра — то ли насмешка над юношеским пылом, то ли одобрение. Она молча поклонилась, повернулась и бесшумно растворилась в зелени, оставив Фравара наедине с безумным обещанием и бешено колотящимся сердцем.

Глава 2. У наместника Курешаты

Мгновеньями Он виден, чаще скрыт.
За нашей жизнью пристально следит.
Бог нашей драмой коротает вечность!
Сам сочиняет, ставит и глядит.
Омар Хайям (перевод Ивана Тхоржевского)

Тяжёлые створки из ореха распахнулись перед ним. Тириасп переступил порог, и в зал следом вошли двое его телохранителей.

Двери сразу притягивали взгляд. На тёмном дереве рука согдийского мастера вырезала персиковое дерево с раскидистыми ветвями — плоды на нём были золотыми. Левую створку венчал золотой солнечный диск с лучами из рубинов, правую — серебряный лунный серп и звёзды, сверкавшие ярко-синим бактрийским лазуритом.

Тириасп ступал тяжёлой поступью в своём красном, расшитом золотом халате. Его сильные ноги, слегка искривлённые от жизни в седле, уверенно продавливали яркие персидские ковры. Ступни, знавшие лишь твёрдую землю степей, почти по щиколотку бесшумно утопали в ворсе, — будто он и впрямь крался, подобно тигру, к потерявшей бдительность газели.

Лицо Тириаспа, обветренное и смуглое, хранило следы многих лет под открытым небом: глубокие морщины на лбу, кожа туго натянута на скулах, широкий нос с распахнутыми ноздрями. Тёмные, слегка раскосые глаза скользили по залу — настороженно, цепко, не упуская ничего. В углах жёстко очерченного рта залегли складки от привычки скрывать истинные мысли. В густой чёрной бороде с проблесками седины путались отблески света, а тонкий белёсый шрам над левой бровью лишь подчёркивал суровость человека, закалённого битвами.

Свет лился из решётчатых окон под куполами — по три в каждом из четырёх сводов. Тонкая слюда, затягивающая проёмы, рассеивала солнечные лучи. В этом рассеянном свете он почувствовал себя мишенью: золото на нём переставало быть просто украшением, становясь видимым, как сигнальный костёр на кургане. В степи такую роскошь носит только дурень или мертвец. Его воины, для которых не существовало жилища, кроме шатра, остановились и разинув рты разглядывали стены, украшенные яркими фресками. Всё происходящее казалось им миражом в песках близ Оксийского моря. Да и ему самому — тоже.

В противоположном конце зала, в кресле с высокой резной спинкой, восседал Оксиарт. Голубой халат, отороченный золотом, голубая митра с каннелюрами и шёлковой лентой, огромная брошь с бактрийским лазуритом, кольца и перстни на каждом пальце — всё безошибочно выдавало высокого вельможу.

Лицо его дышало холодной властностью. Острый цепкий взгляд скользил по залу с ленивой уверенностью владыки. Прямой нос с едва заметной горбинкой, плотно сжатые бледные губы, словно никогда не знавшие улыбки, чёрная борода, завитая аккуратными колечками, — всё в нём говорило о привычке повелевать.

Тириасп скользнул взглядом по тяжёлой золотой цепи на груди наместника.

«Одна такая цепь стоит десятка наших аргамаков, — пронеслось у него в голове. — А саки знают им цену. Не в каждом роду водился такой жеребец. Таким можно и жизнь вождя выкупить. Ишь, вырядился — золота и у саков довольно. Вот если бы он свою удаль показал».

За спиной фратараки на застеленных коврами суфах сидела свита, одетая под стать господину — дорого и со вкусом. Упитанные, лощёные. Им не нужно в степи ловить диких коней. Сытость и богатство шли с ними от рождения. «Что ж, — мысленно усмехнулся Тириасп, — степняку — воля, персу — злато. Глотнувший вольного воздуха не станет есть из золотого

блюда. И сладкие, дурманящие вина согдов не для нас. Нам слаще кумыс. Только вольный оценит молоко вольных кобылиц».

Тридцать шагов отделяли его от наместника. Тириасп шёл не спеша, с достоинством своего положения. Его взгляд, привыкший к бескрайним горизонтам, теперь выхватывал и запоминал каждую деталь — не из любопытства, а как стратег, оценивающий расположение и силу будущего противника.

Подойдя, он кивнул своим спутникам — и они, как один, отвесили поклон. Глубокий, но сдержанный: знак уважения к статусу, не более.

Оксиарт и его свита встали в ответ.

Тогда Тириасп, следуя древнему обычаю, протянул правую руку. Пожимая ладонь наместника, он слегка приподнял правую ногу — жест высшего уважения, принятый у саков. «Что ж, ритуалы соблюдены, — пронеслось у него в голове. — Начинается большая игра».

— Процветания твоим владениям, поборник идей бессмертного Ахура-Мазды, благороднейший Оксиарт, — первым нарушил тишину его голос. — Я с двадцатью всадниками, в уважение к соседу, не раздумывая, откликнулся на твой зов и пересёк Яксарт. Немало лет минуло с тех пор, как мы обменялись копьями, и наши народы живут в мире. Надеюсь, достойнейший фратарака, ты пригласил меня не затем, чтобы востребовать своё копьё обратно? Не наскучил ли тебе мир? Не захотелось ли поживиться нашими табунами, о благочестивый?

— Да не оскудеет сакская степь пехлеванами, скачущими быстрее ветра. Многие лета тебе, мудрейший Тириасп, — Оксиарт едва заметно отвёл в сторону ладонь, и его воины замерли, ослабив хватку на рукоятях кинжалов. — Горько слышать, могучий вождь, что ты не доверяешь соседу. Я не затребую своего копья. Но я прошу взаймы копья твоих всадников. Долетела ли до ушей мудрейшего вождя весть о беде, что надвигается на нас из-за седых гор?

— До наших кочевий доходили пересуды об Искандаре Зулькарнайне, — Тириасп принял из рук наместника золотую чашу с вином и поставил её на низкий стол, не отпив. — Я выпью твоего густого, как мёд, вина, сосед, если и ты испробуешь нашего кумыса.

Он дал знак глазами телохранителю. Тот отвязал с пояса кожаный турсук. Оксиарт кивнул, и слуги мигом подставили пустую золотую чашу. Из турсука хлынула белая, пенистая струя, наполняя воздух кисловато-дрожжевым запахом степей.

— Выпью из уважения к соседу, — Оксиарт сделал несколько больших глотков, и Тириасп заметил, как на мгновение сжались его веки и напряглись скулы, прежде чем лицо вновь обрело невозмутимость. — Да… Речь идёт о походе. В Адиабену. Там, у «Верблюжьего дома», есть поле, где Величайший из Великих, царь царей Дараяваush, светоч Азии, хочет покончить с двурогим раз и навсегда.

— Слышал я, — Тириасп наконец поднёс свою чашу к губам и отпил, не отрывая взгляда от Оксиарта, — что первые две битвы царь царей проиграл вчистую. Даже мать и детей своих из плена вызволить не смог. К чему нам, сакам, отправлять сыновей умирать за того, кто не может защитить даже свой очаг? Не в обиду будет сказано, достойнейший, но мой народ спросит: какова цена нашим коням и нашим сагарисам? Может ли сатрап Бесс назвать её? Или, может, назовешь ты?

— Твоя правда, отец степного народа. Недооценили мы врага — это так. Но тигра не убить одной стрелой, даже двумя. Мы учли свои ошибки. И разве раненый зверь не опаснее вдвойне? — Оксиарт смотрел собеседнику прямо в глаза, дышал ровно, держал ладони открытыми. Помолчав, фратарака неожиданно сменил тему: — Слышал, мудрейший, ты задумал строить зимнее стойбище из камня? Зимы ведь становятся всё суровее. Вашим коням всё труднее добывать корм из-под снега.

— Твои соглядатаи не солгали тебе, благородный правитель, — Тириасп тут же понял, куда клонит фратарака. Его предложение пахло не помощью, а капканом, прикрытым шкурой

ягнёнка. — Так ты хочешь, чтобы мои воины зимовали в каменных стенах, а не в своих кибитках? Чтобы они отвыкли от ветра и разучились скакать?

— Тебе ли не знать, владыка, что зима в степи не щадит ни коня, ни всадника, — парировал Оксиарт. — Мои зодчие построят в указанном тобой месте степи укреплённое зимовье — каменные стены против ветра и лихих людей, где твои всадники и их кони переждут самые лютые месяцы.

Вот оно. Цена. Не продешевить бы…

— Сколько сакских всадников желает получить сатрап Бесс? — спросил Тириасп, переводя разговор в привычное для себя русло торга. — Я пошлю не более тысячи. И вся добыча — наша.

В зале воцарилась тишина. Сквозь приоткрытые окна доносились звуки лютни из сада — чуждая, сладкая музыка. Оксиарт молчал. Слуги вновь наполнили чаши и удалились. Только тогда фратарака заговорил.

— Половина добычи… И вы уговорите массагетов выставить своих конников. Без их крылатой конницы у Дараяваушa нет шансов.

— Массагеты — народ вольный, — отрезал Тириасп, скрывая внутреннее ликование. Он провёл персидского вельможу, будто жеребца по узкому мосту. Вождь мог отправить в поход куда больше тысячи, но зачем ставить на кон весь табун? — Но я знаком с потомком славной Томирис, царицей Спаретрой. Её уши слышат мой голос. Думаю, она внемлет моим словам.

— Я гляжу, твоим воинам понравились фрески в моём дворце, — выдержал паузу Оксиарт, будто взвешивая следующее слово. — Есть у меня… подходящий мастер. Молод ещё, но люди поговаривают, что в его красках — частица благословения Ахура-Мазды. Не так ли, Вархуман? Поведай гостям о диковинном художнике.

Молодой круглолицый слуга, распоряжавшийся рабами, замер — кувшин качнулся в его руках, едва не расплескав воду. Он судорожно прижал ладонь к груди и согнулся в поклоне: сначала перед наместником, затем — медленнее, будто выверяя меру почтения, — перед гостями. Щёки его налились румянцем.

— О да, мой благочестивейший и прозорливейший повелитель! — Вархуман сглотнул и затараторил, не поднимая глаз. — Мы шли с ним по улице… О бессмертный Ахура-Мазда! Пусть я упаду в бездну с моста Чинват, если совру своему господину. Я сам видел: спелые плоды тутовника падали прямо под его ноги — один за другим, точно кто-то сыпал их сверху. Я огляделся — ветра не было, деревьев рядом не было. Я остановился. Он шёл дальше, и плоды всё падали. А когда я привёл его в ваш сад — кеклики вдруг встрепенулись в клетках, перепела подхватили, и все разом захлопали крыльями, закричали наперебой, будто каждая птица хотела перекричать соседку, вознося ему хвалу.

— И что же содеял этот молодой согд? — оживился Тириасп. — Как держал себя избранник, когда знамения падали к его ногам? И птицы… Голос птиц — глас богов

— Он… Он… — Вархуман замялся, переступил с ноги на ногу, опустил взгляд. — Боюсь разочаровать вас, мудрейший вождь. Он вошёл в сад, сбросил кавуши, повалился на чарпаю — и, прежде чем я успел моргнуть, уже храпел.

— О! Сие есть доказательство чистоты его души! — воскликнул вождь, воздев лицо и ладони к небу. — Отныне я верю, что художник — не чета прочим. Через птичье пение Ахура-Мазда ниспослал своё благословение, от коего юноша и погрузился в сон. О достойнейший Оксиарт, не уступишь ли ты мне сего художника на время? Пусть напишет лики моего семейства… А лучше — пусть следует со мной и моими воинами до берегов Диглата и через свои краски разделит с ними благодать, ниспосланную самим Ахура-Маздой. Взамен к той тысяче всадников я дам войску Дарайавуша ещё три сотни чистокровных степных коней.

— Пред очами Ахура-Мазды я не могу отказать почтеннейшему гостю, — наместник с лёгкой улыбкой приложил руку к сердцу и склонил голову. — Да свершится по слову твоему, благородный Тириасп. Вархуман, приведи его сюда.

***

Прошло немало времени с тех пор, как чернокожая рабыня покинула сад, оставив Фравара в сладком одиночестве наедине с благоуханием цветов и перепевом птиц. Похоже, о нём и впрямь забыли. Он поймал себя на том, что не знает, обидеться ему или порадоваться — забвение давало время думать, а думать было о чём, и мысли эти были неприятны.

Впрочем, те конные саки неспроста стояли у стен дворца. Верно, у наместника не нашлось времени для безвестного художника, когда к нему во дворец с неожиданным визитом нагрянул вождь воинственного кочевого народа.

Или прибытие двадцати конных воинов из-за Яксарта — не такая уж неожиданность. Он вспомнил их разговор об Искандаре Зулькарнайне и походе в Персию, и что-то сжалось у него внутри — смутное предчувствие, которому он не умел дать имени.

Уж не сатрап ли Бесс зовёт кочевой народ под свои знамёна? Сказывали купцы, прибывшие на прошлой неделе из Гиркании, о силе молодого царя яунов. Говорили, мол, этот молодой царь дважды легко разбил войско самого Дараяваша, и теперь под ним и Сарды, и Ханаан, земли амореев и даже Кемет, что яуны называют Эгиптос. Фравар смотрел на цветы и думал: что делать здесь художнику, когда мир переворачивается с ног на голову? И есть ли ему вообще место в том мире, который придёт на смену этому?

Что-то неотвратимое надвигалось с запада, Фравар это чувствовал — и не знал, страшит его это или, против воли, влечёт.

Всякое про того двурогого сказывают, будто он в бою оборачивается в огромного змея, а вместо чешуи у него бронзовые пластины. И питается это порождение Аримана исключительно кровью девственниц, подобных прекрасной Рушанак. Как иначе объяснить, что малочисленные яуны разбили могущественных персов? Без козней Аримана тут не обошлось.

Не мудрено забыть о голодранце-художнике, когда решаются такие судьбоносные вопросы. Стало быть, коли на носу военный поход, и услуги живописца вряд ли кому понадобятся. Хотя… Какая разница, чья плеть — перса или яуна — будет стегать спину несчастного согда. Всё одно. Видимо, толста согдийская шкура, коли не устала терпеть унижение, довольствуясь крохами с господского стола.

Неожиданно он подумал о брате, тот тоже пострадал от неведомых яунов, а ведь такая судьба будет ждать многих, если все, как он, Фравар, будут летать в облаках. Не лучше ли опуститься на землю и научиться крепко стоять на ногах. Случайными заработками не прокормишься.

С сотником Апвахианом он, конечно, поступил нехорошо. В сущности, сотник человек неплохой: дал возможность заработать, дал кров, кормили в его доме досыта. Нет, деньги он заработал честно, а лак… Он покроет фреску лаком, и решено — денег возьмёт немного.

— Хватит киснуть! — сказал себе Фравар. — Всё складывается не то чтобы плохо. Хвала Ахура-Мазде, ночи в Курешате ещё тёплые, так что сегодня он проведёт ночь под небом на чарпае самого фратараки Оксиарта. На столе лепёшки ещё не тронуты, а фруктов в саду хватит накормить всю Курешату. Не каждому голодранцу так везёт. Он закрыл глаза и почти поверил, что доволен.

Размышления художника прервало появление того самого круглолицего гонца. Он остановился прямо перед Фраваром, скрестил руки на груди и широко осклабился, будто только что выиграл в кости.

— Эх и везучий ты, сын красильщика из Мараканды! — Он ткнул пальцем в грудь художника. — Не забудь отблагодарить своего благодетеля Вархумана, то есть меня. Я обеспечил тебе сытую жизнь на целый год вперёд, а то и кучу персидского золота за пояс положишь. Пошли, голодранец. Сам фратарака Оксиарт желает видеть твою рожу.

— Что же такое мне нужно нарисовать, чтобы работа тянулась целый год? — Фравар искренне недоумевал. — Хотя… если платить будут щедро и кормить досыта, то отчего ж нет. Коли всё окажется так, как ты говоришь, то знай — Фравар не забывает добро.

Уголки губ Вархумана поползли вверх — он явно едва сдерживал улыбку. Один глаз на миг прищурился в сторону художника.

— Главное — помни. — Он шагнул ближе и понизил голос, будто стены дворца могли слушать. — Сакский вождь убеждён: на тебя снизошла благодать Ахура-Мазды. — Взгляд его скользнул вниз — к прожжённой дыре на халате Фравара. Круглолицый поморщился, потёр переносицу, потом коротко махнул рукой: пусть остаётся. — Когда войдём — не говори лишнего. Держись прямо. Дай мне говорить. И ради всех богов — не бойся. Он это почувствует.

Когда воины на страже разомкнули копья и глухо распахнули резные створки, молодой художник на миг остолбенел. Столько предметов роскоши, кричащих о богатстве, в одном месте. Такое он не мог представить даже в самых безумных грёзах. Если всё, что обещал круглолицый Вархуман, окажется правдой… Тогда и впрямь придётся поверить, что на него снизошло благословение Ахура-Мазды. Смертному не понять деяния бессмертного — вчера собирал зёрна, выпавшие из протёртых мешков, а сегодня ест со стола персидского наместника! Чудны твои дела, святейший Ахура-Мазда!

Фравар изо всех сил старался держаться расслабленно, но ноги будто сами вросли в холодный камень. Полированные до зеркального блеска полы, фрески, от которых захватывало дух… Всё это так ошеломило его тонкую натуру, что ладонь сама потянулась к воображаемой кисти. Творить. Сейчас же.

В глубине зала за низким столом, ломившимся от яств, сидели две группы людей: персидские вельможи и саки в своих ярких одеждах. От соприкосновения с десятками изучающих взглядов Фравару стало дурно.

— Ты действительно так хорош, живописец, как говорят купцы на базаре? — спросил высокий вельможа в голубом халате, расшитом золотом. — Смелее, воин. Не бойся, здесь все свои. Привыкай: скоро ты предстанешь перед самим царем царей, светочем Азии, Дараяваушем.

— Скажи, живописец, — перебил его грубоватый голос сака, чей возраст и богатые одежды выдавали вождя, — что ты почувствовал, когда тебе под ноги падали сладкие плоды, а ангельские перепела возносили хвалу Ахура-Мазде? Расскажи, сынок, не робей. Здесь никто тебе зла не желает. Опиши, что ты чувствовал в твоём сердце.

— Я… Мне… Мне послышался голос святейшего, — с трудом выговорил Фравар.

— Что? Что он сказал? — не отступал сак. — Не стыдись, в этом нет позора. Небесный отец говорит с избранными. Так что же он открыл тебе?

Фравар почувствовал на себе тяжёлый, изучающий взгляд вельможи в голубом. Оксиарт. Чего он ждёт? Сказать, что Ахура-Мазда сулит победу — выйдет дешёвая лесть. Нет. Нужно что-то туманное, чтобы каждый услышал своё.

— Тысячи воинов, тысячи всадников сойдутся в битве с воинством двурогого, — начал Фравар, медленно обводя взглядом собравшихся. Лицо Оксиарта оставалось каменным. — Будет сеча, от лязга которой содрогнутся склоны Паропамиза. Святейший показал мне поле брани. Я видел, как рубит тяжёлый сагарис, видел землю, устланную павшими, и телеги, гружённые золотом. Всё это явилось мне во сне.

— Самого святейшего видел? Или других богов — Папайя, Митру? — вождь шагнул к Фравару и стиснул его плечи. — Видел их лица? Улыбались ли они?

— Нет. Ахура-Мазда — это солнце. Разве человек может смотреть на солнце? Я слышал только голос. Он сказал, что воззрит с вершины самой седой горы. Ему нужно увидеть, чисты ли помыслы его детей. Если сердца воинов окажутся праведными, Ахура-Мазда дарует победу, и славу, и несметное богатство.

Молодой человек снова рискнул взглянуть на Оксиарта. Да, взгляд его определённо смягчился, потеплел. Наместник схватил свой кинжал, ловко надрезал лепёшку так, чтобы та раскрылась, как книга, затем зачерпнул с блюда щедрую горсть сочного жареного мяса, сдобренного гранатовым наршарабом, и вложил её в пышущую жаром лепёшку. Затем добавил хрустящие ломтики огурца, тонкие полукольца синего лука, веточку пряного райхона и всё это сбрызнул парой капель густого, как сироп, сладкого вина.

Фравар, как и все за столом, замер, следя за действиями фратараки. А тот, не глядя, ловко соединил половинки и швырнул лепёшку прямо в художника. Когда не ждавший такого подарка Фравар едва удержал в руках прилетевшее к нему царское угощение, за столом грянул хохот.

Грохот ладоней по столу, тяжёлый, как удар булавы, прекратил веселье. Это был вождь саков.

— Не высмеивания, а тем паче не порицания достоин этот юноша, — гремел Тириасп, — а похвалы! Ибо он знает цену хлебу и не дал упасть ему на пол, как бы внезапно тот ни прилетел. Ибо еда есть благодать, ниспосланная Ахура-Маздой.

Медленно поднявшись, вождь со стоном снял с пальца массивный золотой перстень с волчьей головой.

— Позволь, владыка, и мне одарить славного живописца, — простёр он свою огромную руку. Кольцо скользнуло Фравару на большой палец — на ином бы и не держалось. — А теперь спросим самого избранника. Хочет ли он идти с нами к берегам Арван-Руд — быстрой реки, что иные зовут Диглат?

— Да, отвечай, живописец! Хватит ли духу? Не сломишься? — тотчас загудели голоса с обеих сторон стола.

— Говори, — властно и коротко приказал Оксиарт. — Скажи, сын Согдианы, не оробеешь ли ты в походе против двурогого Искандара?

— Кто я такой, чтобы оспаривать волю Ахура-Мазды? — выдавил он, чувствуя, как перстень жжёт палец. — Коли святейший велит идти в поход, Фравар пойдёт. Одно лишь печалит мою душу… что придётся нарушить обещание, данное дочери твоей, прекрасной Рушанак, о, добродетельнейший фратарака.

— Ваэ! Да ты парень не прост! И что же ты посулил моей дочери? — глаза Оксиарта вспыхнули, как угли. — Шустрый ты, однако. Всего полдня во дворце — и успел поразить моего слугу, побеседовать с самим Ахура-Маздой, снискать уважение моего гостя… и ещё что-то наобещать моей дочери? Как ты всё ухитрился провернуть?

— Ничего я не делал, владыка! — залепетал Фравар, чувствуя, как земля уходит из-под ног. — Мальчишка на крыше случайно рассыпал ягоды тутовника нам под ноги. А в саду… Каюсь, услышав пение птиц, я уснул. А разбудил меня ангельский голос… Потом пришла рабыня и сказала, что госпожа Рушанак желает, чтобы я запечатлел её лик.

— Владыка Оксиарт! — пробасил Тириасп, поднимаясь с места. — Понял ли ты, что твоя дочь стала проводником меж Небом и Землёй? — Вождь медленно обвёл взглядом зал, и вельможи, будто повинуясь незримому приказу, склонили головы в знак согласия. — Ныне прекраснейшая Рушанак связана с успехом нашего похода. Дозволь же, благороднейший, нам всем узреть чудо — как рождается на стене отражение лика той, что передаёт нам благословение Ахура-Мазды! Пусть твои мудрецы вдумаются в послание, что выйдет из-под кисти живописца. А мы, твои гости, задержимся на день, дабы увидеть, так ли хорош этот мастер, как о нём трещат языки.

Так завершился вечер великих переговоров, неожиданно превратив нищего согдийского художника в залог будущей победы и в главную обсуждаемую новость на улицах благословенной Курешаты.

***

Фравар жестоко ошибся в своих ожиданиях. Увидев её, он на миг забыл, как дышать. Всё, что он доселе представлял, померкло. Картина, рождённая его разумом, потускнела перед творением самого Ахура-Мазды.

Под сенью чинары на чарпае возлежала не девушка — видение. Он вглядывался и не видел ни платья, ни самоцветов в ушах — лишь совершенную линию шеи, тот гордый изгиб, что заставлял забыть обо всём, и волосы. Они не были просто светлыми. Казалось, солнце Согдианы не падало на них сверху, а рождалось в каждой пряди, переливаясь тёплым медным светом.

А глаза… В её глазах, синих, как предвечернее небо над горами, словно и вправду жили все тайны. В этих двух глубоких озёрах тонули и сакский вождь, и наместник со всей своей стражей. Готов был утонуть и он, Фравар. Да и весь мир, казалось, утонет в синеве её глаз.

«Так, наверное, и выглядит само совершенство, — подумал он. — Так выглядит то, ради чего стоит жить и творить».

Минут десять Фравар не двигался. Руки висели вдоль тела, пальцы не тянулись к палитре. Он только дышал — медленно, почти неслышно — и смотрел: на изгиб её плеча, на то, как свет ложится вдоль ключицы, как тень собирается в ямке у основания шеи. Веки чуть опустились. Губы сомкнулись плотнее. Где-то за стеной скрипнула телега, залаяла собака — он не повернул головы. Потом что-то в его лице переменилось — едва заметно, будто внутри щёлкнул замок.

«Ну что, сын красильщика. Вот он — тот самый шанс, который случается раз в жизни». Фравар ощутил, как эти слова перекатываются внутри черепа — словно камешек в пустом кувшине. «Раз в жизни». Он твердил их себе столько раз, что смысл почти стёрся. Почти — потому что жгли они по-прежнему.

Перед глазами встали лица. Отец — старый согдиец, державший когда-то лавку, а после согнувшийся под грузом долгов так, что уже не разогнулся. Мать-скифянка с глазами, которые всегда смотрели куда-то вдаль — туда, к западному морю, откуда её некогда привезли пленницей. Брат, промолчавший на прощание — и сказавший этим молчанием больше, чем иной атрован наговорил бы словами.

«Используй свой шанс, — говорили их лица. — Может, хоть тебе повезёт».

Хоть тебе…

Фравар помедлил ещё мгновение, потом шагнул к столику, взял кисть и обмакнул её в киноварь.

Отец Рушанак и вождь саков, наблюдавшие за его движениями, стали свидетелями рождения чуда. Кисть художника, окунаясь в глиняные сосуды, извлекала из них невиданные оттенки — словно в этих сосудах сама природа заключила свои сокровенные тайны. А тонкий кончик кисти, зацепив одну из нитей мироздания, начал неспешно разматывать клубок, и на стене мазок за мазком возникал облик согдийской принцессы.

Жизнь во дворце замерла, прильнув к окнам и дверным щелям, но узреть рождение истины было суждено лишь избранным.

Время текло сначала быстрым ручьём, потом широкой неторопливой рекой и, наконец, застыло неподвижной гладью горного озера. Пальцы у натурщицы побелели — она незаметно вцепилась в складку платья, когда затекло бедро, но не шелохнулась. Живописец видел это. Сочувствовал. И всё равно не мог остановиться. Ударить в грязь лицом он не мог. Сегодня его

день, его шанс. От того, каким получится портрет, зависело его будущее. Чтобы ни случилось, сегодня он дотянется до звезды.

Он работал и слушал её дыхание: ровное, почти сдержанное, лишь изредка чуть более глубокое — когда кисть касалась стены в нужном месте.

Оксиарт стоял поодаль, скрестив руки. Тириасп и вовсе забыл прикрыть рот. На гладкой стене оживала она — златовласая принцесса с глазами цвета голубых озёр Согдианы. От глаза художника не крылось, как менялись глаза Рушанак. Она словно не смотрела на свой портрет — она читала книгу. В своих нарисованных глазах она видела судьбу. В них она ощущала боль, чувствовала радость и видела величие.

Фравар работал быстро, почти отчаянно. Кисть металась по стене, мазок за мазком ловя ускользающий свет на щеке, переливы золотых волос, глубину глаз. Сердце билось в такт каждому движению, дыхание сбивалось. Всё исчезло: ни вельмож, ни саков, ни даже самой Рушанак — только линии, цвета, ритм. Время сжалось до единого мига. Он чувствовал: за его спиной затаили дыхание, но не осмеливались прервать. На стене рождалась не просто принцесса — появлялся образ мечты, надежды, победы. Он не мог остановиться, пока не выведет последний штрих.

А далеко за стенами Курешаты, за седыми хребтами Паропамиза, там, где кончались козьи тропы и начинались караванные пути, уже строились в походные колонны фаланги двурогого Искандара. Ветер с запада принёс запах пыли и железа — Фравар узнал его раньше, чем осознал, что узнаёт. Сколько раз он говорил себе, что предчувствия — это слабость? Сколько раз ошибался? И пока в саду рождался лик богини, он стоял и молчал, раздираемый между долгом и тем, чему не находил имени. Шестерни судьбы провернулись — неумолимо, как всегда. Он уже не будет прежним.

И будто в ответ на эту мысль, Фравара обожгло жаром. Тот самый ветер с далёких равнин, казалось, дотянулся и сюда, до самого сердца сада. Он вздрогнул и потупил взгляд, а когда поднял его, то увидел, что Оксиарт смотрит не на портрет дочери, а куда-то сквозь стену, на запад.

— Ты слышишь, Тириасп? — тихо спросил наместник, не меняя позы. — Уже пахнет пылью от их походных колонн. К последнему лучу солнца дня Воздаяния сатрап Бесс ждёт от меня ответа. Твои всадники и конница массагетов должны прибыть в Мараканду к Наврузу.

— Пусть твои мудрецы к вечерней трапезе разъяснят послание Ахура-Мазды, — произнёс Тириасп, Он подошёл к стене и провёл пальцем по ещё не засохшей краске, оставив на фреске красную полосу — жирную, неотвратимую. Будто подписал приговор. — О! Теперь вождь Тириасп, без всяких мудрецов, благородный фратарака, тебе скажет, что предстоит военный поход. Видишь это? Красный цвет — это цвет воина. В этот цвет выкрашен мой халат и одежды моих воинов.

— Должен ли я твои слова воспринимать как согласие саков выступить против двурогого Искандара? — Оксиарт дал знак Рушанак удалиться в её покои. — Пойдём, сосед, вкусим мяса молодого барашка. Нам есть с тобой ещё что обсудить. И ты, живописец, собирай свои краски и иди с нами. Отныне ты пехлеван в коннице славного Тириаспа. Надеюсь, благословение Ахура-Мазды ты пронесёшь через весь поход.

— Вели, владыка, своим слугам сохранить сей лик, — могучий Тириасп обернулся к стене и низко поклонился нарисованной Рушанак. — Я знаю, лик на стене ещё сыграет свою роль. Ещё услышат все о златовласой принцессе Согдианы.

— Погоди, могучий хозяин степей, — Оксиарт подозвал к себе Вархумана и показал на Фравара. — Отведи пехлевана во внутренние покои и преврати его в витязя, достойного войти ко двору персидского царя. Снаряди его в поход и распорядись казначею — пусть пополнит художнику его тощий кошель.

Сердце Фравара рванулось вперёд — раньше, чем разум успел осмыслить. Витязь. Слово упало — и разгорелось внутри, как искра в сухой соломе. Разве это не то, чего он ждал? Золото казначея накормит, оденет, закроет рот нужде — это правда, холодная и скучная правда. Но не за этим ли он жил? Поход! Хвала Ахура-Мазде — великому, бессмертному, — он услышал его! Вот они, суровые воины с железом в глазах, — и среди них он, Фравар, покажет, чего стоит. Судьбу он выкует сам.

Глава 3. К жемчужной реке

Ты — воин с сетью: уловляй сердца!
Кувшин вина — и в тень у деревца.
Ручей поёт: «Умрёшь и станешь глиной.
Дан ненадолго лунный блеск лица».
Омар Хайям (перевод Ивана Тхоржевского)

Робкий утренний свет, отразившись от полированного медного зеркала, щекотал Фравару веки. Он привстал, открыл глаза — и дыхание перехватило.

В тусклом отблеске на него смотрел воин — витязь из древних сказаний. Широкоплечий, с прямой спиной, облачённый в лёгкую кольчужную рубаху, позванивающую при каждом движении. Доспехи преобразили его до неузнаваемости: вместо бедного художника — грозный и внушительный витязь.

Фравар провёл ладонью по лицу. Черты остались прежними — высокие скулы, прямой нос, шрам над левой бровью от плети сборщика налогов, — но теперь казались резче, властнее. Зелёные глаза смотрели с прищуром охотника. Густые чёрные волосы спадали на плечи, в сочетании с кольчугой и серебром оружия придавая облику суровую красоту. Нищий бродяга превратился в согдийского воина.

Он осмотрел себя. К правой голени пристёгнут колчан, отделанный лазуритом, у левого бедра — изогнутый меч в ножнах с серебряными накладками. На суфе рядом — шлем, перчатки и роговой лук согдийской работы.

Память возвращалась фрагментами, как вспышки: злоба Апвахиана, сменившаяся внезапной щедростью; хитрость Вархумана, которую теперь, среди металла и кожи, он воспринимал с благодарностью, но и с неприятным чувством долга; лик Рушанак на стене; и, наконец, пир, где он сидел в богатом халате поверх кольчуги, а новое оружие лежало рядом, как неопровержимый символ изменившегося статуса.

Телохранитель Оксиарта снарядил Фравара исправно: облачил с головы до ног, как наследного царевича. Многократно потяжелевший, живописец чувствовал себя актёром в чужом костюме — до тех пор, пока не взял лук. Совершенная тяжесть дерева и упругость тетивы разом вытеснили неловкость.

В зеркале воин продолжал смотреть на него. Они молча изучали друг друга, будто впервые увидели доселе неизвестную грань себя. Фравар ещё не знал, сможет ли соответствовать этому образу. Сдюжит ли? Не окаменеет ли сердце? На все эти вопросы ответ могло дать только время. Ссуду от судьбы он уже получил. Осталось не растратить её впустую. За стенами дворца его ждала дорога. Дорога к славе… или погибели.

Фравар надел шлем, натянул перчатки, ещё раз взглянул на своё отражение и шагнул в дверной проём.

В саду застыл тяжёлый густой воздух, заполненный почти осязаемой скорбью, порой переходящей в безудержное исступление, граничащее с безумием.

В месяц гармапада, когда все тридцать дней стоял изнуряющий зной, сжигающий последнюю травинку на равнине, жители Курешаты оплакивали бога плодородия Таммуза. По преданию, молодой пастух влюбился не в кого-нибудь, а в саму богиню любви Нанайю, которая, чтобы спастись самой, вероломно отдала демонам подземного мира красавца Таммуза. Считалось, что бог цветущей степи был убит, а кости его размолоты в мельнице и развеяны по ветру.

В дни стояния высокой жары заветами Заратуштры предписывалось женщинам не есть ничего, что размалывается в мельнице, а значит, это касалось и хлеба, испечённого из муки.

Разрешалось питаться лишь мочёным зерном, горохом и фруктами, которые, хвала Ахура-Мазде, в месяц гармапада становились только слаще.

На чарпае, сидя на мягких подушках, пела свои стенания Рушанак.

Ой, Таммуз, владыка зелёных полей,
Вернись к нам, спаситель, прошу поскорей!
Без влаги земля превращается в прах,
И гибнет надежда в иссохших садах.
Я тенью брожу средь горячей пыли́,
Ищу хоть какой-нибудь след.
Но нет больше жизни у нашей земли,
И влаги спасительной нет.
Развеяны кости, растерзан герой,
Молчат небеса в вышине.
Вернись, напои нас прохладной водой,
Явись в утешение мне!

Дочь могущественного фратараки Курешаты, как и все женщины дворца, была в чёрном. Полсотни рабынь и слуг били себя в грудь, создавая невообразимый шум своими всхлипываниями и стенаниями, и в нужный момент хором подхватывали.

Вернись, напои нас прохладной водой…

С каждой минутой плач нарастал, переходя в исступление. Женщины выли, царапали лица, рвали волосы. По их щекам текли настоящие солёные слёзы. Эта коллективная агония пугала молодого живописца: его душа, воспитанная на линиях и красках, сжималась, не находя защиты от волны горя, в которой ярость мешалась с отчаянием.

К стенаниям за стенами дворца присоединялся гул с городской площади — ещё более мощный, ведь там страдал простой народ, выживавший без дождей. Этот звук обрушивался на Фравара физически, бил в самое нутро, туда, где таился страх голодного детства.

Он замер на пороге, и доспехи внезапно показались не защитой, а костяным панцирем, отделяющим его от этого живого, страждущего мира. Ему хотелось сбросить их, упасть на колени и завыть вместе со всеми — по Таммузу, по уходящей юности, по себе самому, которого больше не существовало.

Но кольчуга не давала согнуться. Шлем давил на виски.

Нет… Нет… Он — пехлеван. Его дорога ведёт не к дынным грядкам, а к полям сражений.

Он шёл вперёд — сквозь строй рыдающих тел, сквозь этот ад отчаяния, — и каждый его шаг звенел чужой, бесчувственной сталью на фоне всеобщего горя.

С последними звуками лютни плакальщицы поднялись, а вместе с ними поднялась и Рушанак. Ступая босыми ногами по раскалённым каменным плитам, женщины в чёрном поплыли к выходу из сада, словно река скорби.

Фравар, охваченный общим порывом, сделал шаг вслед, но его резко остановила железной хваткой рука Тириаспа.

— Воин саков не плачет, — пророкотал вождь и яростно сплюнул под ноги, будто само слово «слёзы» горчило во рту. — У нас другая дорога. Пусть женщины голосят у огня, бродят по округе, стирая ноги в кровь, ищут среди пыли кости Таммуза. Не наше это дело. Мужчин слёзы не красят. Наша радость — воля, место у костра и звон клинков в битве.

Фравар открыл рот. Закрыл. Почувствовал, как под кольчугой по лопаткам ползёт горячая влага, и всё-таки выдавил:

— Стыдно признавать… В детстве отец однажды посадил меня на осла — вот и весь мой боевой опыт! Какой из меня воин? Да откройте же глаза!

Вождь не ответил сразу. Он шагнул вперёд, ухватил кольчугу на груди Фравара, потянул — кольца тихо звякнули, — потом дёрнул за ремень меча, подтягивая ножны. Осмотрел придирчиво, как смотрят на лошадь перед торгом.

— Пока что поедешь в телеге, среди даров Оксиарта, — наконец бросил он. — Времени у нас достаточно — до месяца Фравардин, который вы, согды, зовёте Адуканиш, месяцем чистки арыков. К тому сроку будешь держаться в седле не хуже моего лучшего воина. — Он отпустил ремень. — Либо вернёшься к телеге — на посмешище всем. Выбирай.

Два десятка мохнатых степных коней с воинственными седоками — ярким красным пятном на фоне серых стен — отдалялись от площади, направляясь к «жемчужной реке», Яксарту. Река, берущая начало в ледниках Пои-Михра, славилась водой удивительной чистоты. На равнинных участках, где течение замедлялось, цвет её глади напоминал переливы жемчуга. Фравару доводилось бывать на её берегах, и, как художник, он по достоинству оценил меткость данного ей имени. Её синева и вправду играла и мерцала, подобно драгоценному перламутру.

Тяжёлые карагачевые ворота со скрипом распахнулись, выпуская отряд сакских всадников. До переправы, где их ждали плоты, конникам Тириаспа предстояло проскакать четырнадцать фарсангов — два дневных перехода. Если учесть, что дорога проходила по богатому растительностью и маленькими речушками предгорью, то убийственный зной в разгар гармапада не очень волновал молодого парня. Картина, раскрывшаяся перед его взором, с лихвой компенсировала летнее пекло.

Фравар прищурился. Солнце ударило в каменистый склон — и склон вспыхнул золотом, прочертив между выступами длинные синеватые трещины теней. Один утёс торчал над дорогой острым профилем: нависший лоб, провал скулы, разинутый рот — будто кто-то когда-то закричал и так и застыл в камне. Фравар поднял палец, не отдавая себе отчёта, — провёл линию в воздухе. Потом опустил руку. Показывать картину было некому.

Повозка переваливалась с камня на камень. Тюки за спиной давили в лопатки. Бочки с вином глухо ухали на выбоинах, грозя расплескать согдийское в пыль. Шёлк — целые тюки — лежал смирно, но янтарные груши в корзине подпрыгивали и бились друг о друга с сочным, почти неприличным звуком.

В ложбине вспыхнули алые маки — будто капли свежей киновари на серой глине; среди полыни мелькнул силуэт джейрана и растворился в дрожащем от зноя воздухе. Ветер доносил то терпкий запах можжевельника, то сладковатую ноту цветущих лугов. Фравар глядел на суровую, обожжённую солнцем землю и ловил себя на мысли: он всё ещё ищет здесь тонкость, оттенки, полутона — всё то, чему эта земля не знает цены и знать не хочет. Здесь в цене сила, ярость и твёрдый, как сталь, характер.

Ещё вчера в его рваном халате гулял ветер и голод был вечным спутником, а сегодня он едет в обозе знатного сакского вождя, одним движением брови способного послать тысячу всадников за Паропамиз. Что ждало впереди — не знал никто. Будущее не написано ни для кого; лишь Ахура-Мазде с высоты неба дозволено узреть судьбы смертных.

Но всё это — впереди. Сейчас отряд конников Тириаспа, а с ними и он — Фравар, сын красильщика из Мараканды и прекрасной скифянки с берегов Ашхаены, — держал путь на восток, за Яксарт, в широкие сакские степи.

Солнце уже клонилось за гору, когда Тириасп приказал спешиться и встать лагерем у горного ручья. Пока воины раскидывали навес и складывали очаг из камней, Фравар решил размять ноги, пройдясь вдоль ручья, и заодно проверить лук, целясь в стволы горных сосен.

Горы вокруг стояли величаво и незыблемо, словно стражи древнего мира. Их острые скалистые вершины уже окунулись в алую вечернюю тень, а склоны, изрезанные глубокими ущельями и морщинами древних скал, ещё ловили последние лучи солнца — и от этого казались золотисто-коричневыми, словно вычеканенными из драгоценного металла.

Ближние отроги, поросшие колючими кустами миндаля и редкими фисташковыми деревьями, спускались к ручью ступенями каменных осыпей. Там, где скальные выходы обнажали слоистые породы, играли тени — то удлиняясь, то съеживаясь, будто живые существа. В расщелинах цеплялись за камни одинокие кусты можжевельника и тамариска, а кое-где белели кости давно павших животных — молчаливые свидетели суровой красоты этих мест.

Выше, где воздух становился тоньше, склоны делались круче, а гребни — острее, словно лезвия мечей, выставленные против неба. Там, в вышине, кружил одинокий орёл — чёрная точка на фоне багряного заката. Его высокий писклявый клекот доносился до лагеря, напоминая о дикой суровости этих гор, веками хранивших тайны кочевых племён, караванов и забытых сражений.

Фравар остановился, залюбовавшись игрой света и тени на дальних хребтах. Солнце, почти скрывшееся за вершиной, подсветило облака снизу — они вспыхнули, как раскалённые угли, и отсвет лёг на снежные пятна, превратив их в розовые островки среди серо-синих скал. Ручей под ногами журчал ровно и спокойно, будто отсчитывая время, которому эти горы были лишь мгновением.

Маракандец поднял лук. Прицелился в ствол сосны — и застыл. Секунда, другая, третья. Он понимал, что медлит непозволительно долго, и всё равно не мог заставить себя отпустить тетиву. Руки держали оружие впервые, и это чувствовалось в каждом сухожилии: мышцы предательски дрожали, пальцы немели от напряжения, цель плыла.

Он злился на себя — на эту дрожь, на эту нерешительность, недостойную даже мальчишки. Что с ним не так? Неужели страх — перед деревом, перед куском дерева и жилы? Но тело не слушалось доводов разума. И тут что-то изменилось — не в нём, а вокруг. Величественный простор, тишина, разорванная лишь ветром и далёким криком орла, просочились внутрь, вытесняя суету.

Мысли умолкли. Он вдруг ощутил цель — не увидел, не рассчитал, а именно почувствовал, точно она сама потянулась к нему. Ему показалось, что он различает даже муравьёв, снующих по коре. Рука отпустила тетиву прежде, чем он успел это осознать. Стрела ушла со свистом.

К его собственному изумлению, первые же две стрелы вонзились в дерево, хотя он целился с семидесяти шагов. Желая оценить, насколько глубоко стрелы вошли в древесину, он поднялся на гребень, где росли те самые сосны. Он уже тянулся к стреле, вонзившейся в ствол на глубину в половину наконечника, как вдруг замер. По соседней скале бесшумно скользила тень.

Взгляд метнулся вправо — и сердце остановилось. На выступе, вжавшись в камень всем телом, замер полосатый хищник. Огромные жёлтые глаза горели, как два куска раскалённой меди. Но смотрели не на Фравара. Смертоносный луч взгляда тянулся вниз, к ручью, где Тириасп, спиной к смерти, склонился над подстреленным джейраном.

Зверь собирался прыгнуть — мышцы вздулись под шкурой тугими узлами, задние лапы чуть подогнулись. Ещё миг — и когти разорвут спину вождя. Тридцать шагов. Мысли прочь. Рука сама нашла тетиву, пальцы натянули её до скулы. Глаз нашёл единственную возможную дугу: меж сосен, мимо чёрного камня — прямо в глаз. Только так. Иначе не убить.

Стрела просвистела, и в тот же миг тигр оттолкнулся от скалы. Время будто остановилось. Вдруг воздух разорвал дикий, захлёбывающийся крик. Тириасп рванулся в сторону, и громадная полосатая туша рухнула на камень, где только что стоял вождь. Из глаза зверя торчала стрела. Попал! О боги! Он это сделал.

Не теряя ни мгновения, могучий сак выхватил меч и добил зверя, всадив клинок ему между лопаток. Лишь затем он потрогал оперение стрелы, обернулся и поднял взгляд, высматривая стрелка.

Только теперь Фравар почувствовал, как дрожат колени. Во рту пересохло — тягучая горькая слюна прилипла к нёбу, и он никак не мог сглотнуть. Попытался крикнуть, но вместо крика из горла вырвался лишь хрип. Кое-как подняв лук, он помахал им над головой. Дрожь унималась медленно. Когда руки немного успокоились, Фравар начал спускаться, перепрыгивая с камня на камень.

— Хвала милостивому Ахура-Мазде, вы живы! — Стрелок опустился на колени прямо в лужу тёмной крови, не замечая, как она впитывается в ткань шаровар. Дрожащие пальцы нащупали древко стрелы, торчащей из глазницы. — Я… я не понимаю, как это вышло.

Тириасп навалился ему на плечо всей тяжестью руки — будто поперечину ярма положил.

— Когда враг падает с дырой вместо глаза, — голос вождя скрипел, как камень о камень, — сак скажет: «попал в конский волос». — Он помолчал, глядя на мёртвого зверя. — Ты непрост, сынок. Сам Ахура-Мазда направляет твою руку.

Вождь выхватил кинжал. Он дважды ударил лезвием в основание клыка — челюсть хрустнула, и белый изогнутый зуб оказался у него на ладони. Тириасп вытер сталь о полу халата, оставив бурый след на синей полосе, и разжал кулак перед лицом стрелка.

— Обточи. Повесь на шею. Пока он при тебе — ни стрела, ни копьё не возьмут. — Пальцы вождя стиснули его запястье. — Отныне вся степь будет звать тебя: «Попадающий в конский волос». Истребитель тигров.

С этими словами вождь взвалил своего джейрана на плечи, и два охотника — молодой, ещё пахнущий красками, и седой, пропахший дымом костров и потом битв, — направились в лагерь, где уже разгорался костёр и пахло отваром мяты.

Когда они вернулись с тушкой джейрана, воины бросились им навстречу. Поднявшись от костра, они окружили охотников и засыпали вопросами. Самый крепкий из них снял добычу с плеч Тириаспа.

— Мы слышали рёв тигра… — Арсаг замолчал на полуслове. Его широкие пальцы стиснули древко копья, желваки под скулами напряглись. Фравар смотрел на этого человека — плечи шире дверного проёма, шея как у быка — и видел, что тот не притворяется. Арсаг и вправду волновался. — В дни стояния пекла добыча уходит к Яксарту, и тигры рыщут голодные, злые. Мы думали… — Он не договорил, только мотнул головой.

— Покажи им, — сказал старый вождь. Он медленно поднял руку и несколько раз сжал и разжал пальцы, разминая суставы кисти.

Фравар достал клык. Положил на открытую ладонь — длинный, чуть желтоватый у основания, с тёмным пятном засохшей крови на острие.

Мужчины вокруг вытянули шеи. Кто-то тихо присвистнул.

— Узнаёте? — Тириасп обвёл их взглядом. — А я говорил вам: парня ведёт сам Ахура-Мазда. — Он ткнул пальцем в Фравара. — Отныне зовите его «Попадающим в конский волос» — истребителем тигров. Благодаря ему ваш вождь всё ещё топчет эту землю. — Он размял плечо, медленно, с хрустом. — Тигр лежит дальше по ущелью. Пошлите Болхана с кем-нибудь из молодых — он мастер по шкурам. Пусть сошьёт Фравару попону. Тигровую.

Весь вечер, пока на вертеле жарился подстреленный Тириаспом джейран, вождь в красках расписывал подвиг художника, щедро сдобрив рассказ вымыслом. У костра, растянутая на плоском валуне, сохла рыжая в коричневую полоску шкура.

Что сделало сына маракандского красильщика своим в стане кочевников за Яксартом? Знание ли молодым согдийцем языка саков? Удачно ли выпущенная на охоте стрела? Судьба ли Тириаспа, не допустившая гибели вождя в лапах тигра? Или, наконец, воля Ахура-Мазды, поправившая полёт стрелы?

Так или иначе, теперь Фравар себя чувствовал равным среди равных. Степь его приняла.

Мясо, жаренное на огне, в тот вечер казалось особенно вкусным. Лучшие куски доставались охотнику «Попадающему в конский волос» — истребителю тигров, разумеется, после

вождя Тириаспа. Чаша с кумысом, идущая по кругу, и дружеская беседа на равных напрочь заглушили треволнения последних дней.

Где-то среди холодного мерцания звёзд — там, куда уходят те, кто уже отжил своё, — золотоволосая скифянка с берегов Ашхаены, которую её народ звал морем Тенг, смотрела вниз. Губы её беззвучно шевелились — то ли шептали молитву, то ли просто имя. «Фравар». Когда-то давно судьба выдернула её из степей за Гирканским морем и швырнула в Мараканду — в тесный дом красильщика, пропитанный запахом индиго и киновари, где она научилась говорить на чужом языке и носить чужую одежду, но так и не забыла, как пахнет ковыль после дождя. Теперь сын шёл своей дорогой, и куда выведет его эта дорога — не ей было решать. Ахура-Мазда держал нити судеб в своих руках. Она лишь смотрела.

Ночь накрыла отряд вольных всадников Тириаспа звёздным пологом, и по ущелью, под треск костра, поплыла песня. Отблески огня играли на тёмной скале. Фравар слушал незатейливые слова и думал о том, что, возможно, его место именно здесь — среди простых, сильных и смелых людей.

В степи ковыль колышет ветер,
В шатрах пируют до зари.
Вон небосклон вдали уж светел,
Играют с ветром табуны.
Копьё взлетает в небо птицей,
Быстрее ветра конь летит.
С победой ждёт царя царица,
И царь всё сдюжит — победит!
Так выпьем за степные дали,
За сагарисы, что остры.
Чтоб наши жёны бед не знали,
Чтоб за отцами шли сыны.
Пусть льётся песня на просторе,
О храбрости поёт домбра.
О всадниках, что с ветром спорят,
Пришпорив своего коня.

Глава 4. Степь

На самый край засеянных полей!
Туда, где в ветре тишина степей!
Там, перед троном золотой пустыни,
Рабам, султану – всем дышать вольней!
Омар Хайям (перевод Ивана Тхоржевского)

Остались позади жемчужные воды Яксарта, а с ними и зелень садов Согдианы, высокие каменные стены Курешаты и тронувшие сердце молодого пехлевана нежные песни прекрасной Рушанак, что лились с балкона дворца фратараки. Всё это осталось в прошлом, а впереди — лишь выжженные горячим солнцем гармапада холмы и редкое перекати-поле, едва различимое в клубах пыли, поднятой копытами сакских летучих коней.

Телега катила ровно, мерно позвякивая медной и глиняной посудой, наспех сложенной в корзину после последней стоянки у деревни лодочников на берегу Яксарта. Иногда сквозь скрип колёс, когда телега подпрыгивала на особо высокой кочке, Фравар даже слышал плеск согдийского вина в больших деревянных бочках — дар вождю кочевников от вельможного наместника Оксиарта.

Вода в турсуке уже давно закончилась, и жажда становилась нестерпимой. Неожиданно с высоты кургана внизу показалась зелёная полоса растительности вокруг небольшой речки, блестевшей между двух высоких скал, стоявших как могучие стражники по обеим её берегам.

Всадники остановились, и Тириасп, указывая рукой на скалы, сказал:

— Это ворота, впускающие в сакские равнины, — вождь, возможно, заметил, как молодой согдиец облизывал пересохшие губы, потому отвязал с пояса турсук и бросил его Фравару. — Выпей перебродившего молока вольной кобылицы. Оно, как ничто другое, утоляет жажду в сакской степи. Сейчас проедем ворота и остановимся в тени рощицы у реки. Лишь испив воды из сакской речки и проведя ночь под сакским небом, можешь ты просить мать-степь впустить тебя на её просторы.

— Чу! — хлестнул коня Тириасп.

— Ур-р-ру! — подхватили остальные всадники.

Колёса телеги скрипнули и покатили, но теперь уже быстрее.

На узком, в две сотни шагов, проходе между двумя исполинскими каменными стражами наконец Фравар почувствовал прохладу. Это меж скал гулял ветер — постоянный житель этих мест. Прохлада, исходящая от горной речки, встречаясь с раскалённым воздухом возвышенности, рождала живительный ветер. Удивительно, но так встречала своих сынов степь, словно одаривая каждого материнским поцелуем.

Одна из скал имела узкую щель в виде перевёрнутой капли, в которую протиснулся жилистый Балхан. Вышел он из чрева скалы уже с глиняным кувшином. Тириасп вытащил из колчана стрелу, обернул наконечник узкой полоской ткани и обмакнул его в кувшин. В сосуде оказалась странно пахнущая маслянистая жидкость, которая теперь обильно пропитала ткань. Вождь достал из походной сумки кремень и чиркнул им по железному пруту, высекая искры на смоченную маслом стрелу. Пропитанная ткань вспыхнула мгновенно, и Тириасп протянул стрелу Фравару.

— Докажи, что твой выстрел не был случайностью, — вождь указал рукой на вершину соседней скалы. — Видишь на скале вязанку хвороста? Если на тебе действительно благословение Ахура-Мазды, то на вершине горы вспыхнет сигнальный огонь. Ну же. Стреляй. Да не

бойся ты! Тут нет никакой магии — это нафта, или, как называют эту горючую жидкость персы, — раданака.

Фравар почувствовал, что у него трясутся руки, но подавил дрожь и решительно взял стрелу. Так же, как тогда, на гребне скалы, он вскинул лук, прицелился и спустил тетиву. Огненная стрела, оставляя дымную черту, устремилась ввысь. Через мгновение на вершине скалы вспыхнул огонь. Воины, скептически смотревшие на молодого живописца, теперь одобрительно закивали. Вскоре они радостно заулюлюкали, заметив на дальнем холме ответную яркую точку — сигнал, что огонь увидели.

— Что я вам говорил? — Тириасп широко улыбался, глядя на Фравара. — Вы видели, как быстро вспыхнул огонь? Кто-нибудь ещё сомневается в нашем молодом согде?

***

Степь раскинулась необозримым волнистым ковром до самого горизонта. Порыжевшая под летним солнцем трава перекатывалась мягкими волнами по склонам невысоких холмов, а в низинах ещё сохраняла сочный изумрудный оттенок. Воздух дрожал от зноя, и в мареве очертания дальних курганов расплывались, словно призраки. Над головой — безоблачное небо, раскалённое до белизны у зенита и густеющее до глубокого синего к краям.

По этой бескрайней равнине двигался сакский конный отряд: двадцать всадников в кожаных доспехах и остроконечных шлемах, а с ними — молодой согдиец, впервые оказавшийся в землях саков. Лошади шли ровным аллюром, поднимая облачка сухой пыли; гривы развевались на ветру, а уздечки поблескивали бронзовыми и медными удилами.

Среди всех выделялся вороной конь Тириаспа, названный им Чёрным Вихрем. Красавец аргамак с металлическим блеском шерсти казался воплощением степной стихии — столь же неукротимой и прекрасной. Его мускулистое, подтянутое тело словно было создано для скорости: длинные ноги легко резали пыль, а гордая шея держала голову высоко, будто бросая вызов самому небу. Белые «носочки» на копытах контрастировали с угольно-чёрной мастью, придавая облику коня особую изысканность.

Чёрный Вихрь двигался с грацией хищника, не теряя ни капли достоинства. Его движения были точны и расчётливы, будто скакун танцевал древний танец, известный только вольному степному народу. Конь чутко реагировал на малейшее движение поводьев Тириаспа, понимая хозяина без слов. Казалось, что между ними существует незримая связь, рождённая веками кочевой жизни.

Вдалеке, то скрываясь в ложбинах, то вновь появляясь на гребнях холмов, мчались огромные табуны. Сотни лошадей неслись по степи, сливаясь в единый живой поток. Светлые и тёмные силуэты перемежались: гнедые, серые в яблоках, буланые, вороные — словно сама степь обрела движение и ритм. Копыта выбивали глухую дробь, которая доносилась до отряда приглушённым рокотом. Иногда из общей массы вырывались жеребцы с развевающимися хвостами — они скакали кругами вокруг кобылиц косяка, будто проверяя границы своего царства.

Фравар замер, заворожённый этим зрелищем. Он привык к упорядоченным стадам в долинах Согдианы, где каждая овца и лошадь были на счету, а пастбища строго разделены. Здесь же природа и скот существовали в дикой гармонии: табуны сами находили воду в скрытых родниках, щипали траву на склонах, укрывались в балках от ветра. В этом движении, в этой свободе он вдруг ощутил суть земель саков — бескрайних, вольных, где человек и конь были равны перед лицом степи.

Ветер доносил запах полыни и разогретой земли, смешиваясь с терпким духом лошадиной шерсти. В небе кружили степные орлы, высматривая добычу, а где-то вдали, у линии горизонта, мерцала полоса реки — там, вероятно, располагались летние стойбища саков. Молодой пехлеван глубоко вдохнул этот воздух — воздух настоящей степи — и понял: вот она, воля!

Вот почему это слово так часто он слышал от саков. Оно простое, незатейливое, но дарует такую силу, перед которой меркнут все царские сокровища.

— О чём задумался, пехлеван, попадающий стрелой в конский волос? — на короткой стоянке у ручья спросил Тириасп. — Пей, сын Согдианы, воду земли саков, дыши воздухом их вольной степи, по которой скачут наши табуны. Заметил ли ты, живописец, того золотисто-буланого жеребца, что стережёт свой косяк?

— Того, что с чёрными ногами, гривой и хвостом? — Фравар на секунду задумался, подбирая подходящие слова. — Он… он выглядел, словно полированное золото, что сияет на рукояти твоего сагариса.

— Золото? Всё вы, согды, им мерите, — вождь брезгливо скривил губы. — Ценность коня не в его масти, а в силе. В его норове и тяге спорить с ветром. Ты видел, что к его косяку породистых кобылиц не мог сунуться ни один жеребец? Тот конь — брат моего Чёрного Вихря по отцу. Поймай степной ураган, и он станет твоим. Пронесись на нём, как раскалённый нож сквозь масло, сминая железных демонов Искандара.

— Поймать? Прямо сейчас? Из табуна? — мышцы художника напряглись, и он выпрямился, выискивая в удаляющемся табуне буланого жеребца. — Похоже, вождь, ты решил пошутить надо мной. Это всё равно, что поймать ветер.

Могучий вождь подвел Фравара к жилистому воину, который омывал лицо в ручье.

— Каждый сак скачет на коне, которого сам вывел из табуна, — сказал вождь. — Когда приедем в кочевье, будешь тенью Болхана. Он лучший всадник в степи. Его аркан не знает промаха. Болхан поймал столько жеребцов, сколько волос на гриве его Громобоя.

***

Кочевье саков раскинулось на равнине не хаотичным станом, а выверенным кругом — живой крепостью на колёсах. Внешний контур в виде кольца составляли кибитки на массивных колёсах, выполнявшие роль передвижных мастерских и хранилищ. Оттуда доносился разноголосый гул труда: из одних — стук молотов по наковальням и шипение раскалённого металла в воде; из других — мерный стук челноков и запах свежего войлока; из третьих — тонкий звон натягиваемой тетивы на роговые луки.

И повсюду кипела жизнь. У одной кибитки бородатый кузнец, с голым торсом цвета бронзы, отстукивал ритм, выковывая наконечник стрелы. Рядом девушки, засучив рукава цветных халатов, валяли шерсть, а их звонкий смех немного оживлял деловитый, пропитанный потом и гарью дух мастерских.

Между кибитками сновали дети: босоногие, загорелые, с выгоревшими добела туниками. Мальчишки подражали отцам — натягивали игрушечные луки, спорили, кто метче попадёт в мишень из старой шкуры, или помогали таскать дрова к кострам. Девочки постарше присматривали за малышами, а младшие, вдоволь набегавшись, пристраивались рядом с матерями, стараясь перенять премудрости ремесла.

Повсюду паслись кони — стройные, поджарые, с блестящей шерстью. Одни мирно щипали траву, другие нервно переступали, пофыркивали, будто торопили кочевников к новому переходу. Возле одной из повозок старик с седой бородой, украшенной серебряными подвесками, проверял упряжь, бормоча что-то себе под нос — должно быть, прикидывал, сколько ещё прослужит кожаный ремень.

Над лагерем витали запахи: дымок от костров, смешиваясь с ароматом свежеиспечённых лепёшек; дух конского пота и кожи; терпкий запах трав, развешанных для сушки на бортах кибиток. Вдалеке, у края стана, пастухи пересчитывали овец и коз, покрикивая на собак, а над всем этим, в высоком голубом небе, кружили хищные птицы — вечные спутники кочевников.

Фравар замер, впитывая эту картину: движение, звуки, запахи, лица — всё здесь было настоящим, живым, неподдельным. В этом стане, где каждый знал своё дело, где труд и быт сплетались в единый узор, ощущалась сила рода, веками кочевавшего по степям.

Сакские женщины и впрямь были прекрасны — высокие, статные, с лицами, открытыми ветру и солнцу. Их длинные, заплетённые в сложные косы волосы украшали бусы и серебряные нити — всё то, что было сделано для них руками отцов, братьев… или женихов.

Одна из них, совсем юная, тонкая и стройная, как пирамидальный тополь, остановилась под тяжестью тюка с овечьей шерстью, который, казалось, вот-вот раздавит её. Сбросив ношу, она изящным движением откинула золотой локон со вспотевшего лба и рукавом халата стряхнула солёные капли, заливавшие глаза.

Позабыв на мгновение об усталости, девушка устремила на Фравара пытливый, смелый взгляд. Её тёмные глаза оценивающе скользнули по его согдийскому халату, задержались на мгновение на его лице. Уголки её губ дрогнули в едва уловимой, заинтересованной улыбке, будто она рассматривала редкую, диковинную птицу, залетевшую в их степь. Фравар, поймав этот взгляд, на миг забыл, где он. Девушка ловко вскинула тяжёлый тюк себе на плечо и скрылась за пологом, оставив в воздухе лёгкий шлейф запаха дыма и полыни.

Внутри этого подвижного круга, уже на вытоптанной земле, стояли десятки округлых войлочных шатров — жилища кочевого народа. Их дымовые отверстия курились ровным сизым дымком, а по пологу можно было прочесть статус хозяев: глубокие красные и багряные тона выделяли шатры воинов и старейшин; землистая охра и зелень — скотоводов и земледельцев; а у одного из самых больших шатров полог был белым, с вышитыми золотом знаками солнца и луны — жилище жреца.

Рядом с одной из юрт стайка ребятишек устроила состязание. Они целились из гнутых веток карагача в овечье руно, растянутое меж двух столбов, и громко, наперебой, спорили, чья тростинка легла ближе к условному центру. Их возня и крики были тем самым звуком обычной жизни, которого так не хватало в торжественном молчании степи.

Фравар медленно выдохнул. Перед ним раскинулся не просто лагерь — целый живой мир со своими законами: шумный, пахнущий овечьей шерстью, дымом и свободой. И ему, чужаку в чужом халате, предстояло вписаться в эти законы. Только вот место здесь не дарят. Его отвоёвывают упорным трудом, платят за него потом, а порой и жизнью. Но что он мог доказать там, где каждый встречный смотрел на него с недоверием? Своим он станет лишь тогда, когда его примет степь.

Конники остановились у самого большого шатра. Фравар соскользнул с седла — и замер, не выпустив поводьев.

Полог шатра был сплошь усеян золотыми дисками — каждый с яблоко величиной. Рыжий металл, словно плавился в свете заката, и войлок мерцал, дышал, будто живой бок того буланого жеребца, которого он видел в табуне. Он протянул руку и кончиками пальцев коснулся крайней пластины.

Под пальцами — выпуклый хребет архара. Рога откинуты за спину, передние ноги поджаты, задние — в последнем толчке. Фравар провёл ногтем по линии позвонков, нащупал бугор напрягшегося бедра. Зверь уходил в прыжок прямо сейчас, в эту секунду, — только металл держал его.

Он невольно отдёрнул руку.

На соседнем диске лев лежал плашмя, вжавшись в золото. Подбородок — у самой земли, лапы раскинуты широко. Каждая мышца напряглась. Глаза смотрели вперёд — туда, где только что пробежал архар.

Такого он не видел даже во дворце Оксиарта. Там золото мертво. Здесь оно жило. Это та самая магия, которую он однажды нащупал в доме сотника Апвахиана.

Жизнь, застывшая в ожидании движения. Какое мастерство! Какая неукротимая сила — и всё это отлито в драгоценном металле.

То, что этот шатёр принадлежал вождю Тириаспу, у молодого художника не возникло ни малейшего сомнения. Кто же ещё мог украсить своё жилище подобным образом? Саки, конечно, народ простой, но статус племенного вождя обязывает к некоторой пышности. Иначе нельзя.

Вороной Вихрь ещё не успел остановиться, когда Тириасп соскочил с седла — сапоги глухо ударили о сухую землю. Он окликнул Болхана.

— Доблестный Болхан. — Тириасп говорил негромко, но в десяти шагах вокруг примолкли даже кони. — Во всех кочевьях саков, от седых вершин Пои-Михра на юге до вод Окского моря на севере, каждый пастух знает, кто лучший конник степи.

Он отвязал с пояса кошель — тугой, округлый — и бросил, не глядя. Болхан поймал одной рукой.

— Ко дню благой мысли я собираю народное собрание. Я спрошу племя — отправлять ли всадников в войско Дараяваша? Ты встанешь у моей правой руки. — Тириасп выдержал паузу, позволив словам осесть. — А после возьмёшь согда. Того, которого теперь величают Попадающим в конский волос — истребителем тигров. Уведёшь его в степь, к табунам. К месяцу вязки колючек — Харапашийа — из него должен выйти сакский конник. В месяц Багаядиш, да будет славен Великий Митра, он войдёт в табун аргамаков и выберет себе коня.

Болхан медленно повернул голову в сторону Фравара. Тот стоял поодаль, держась чуть напряжённо, как человек, который чувствует — говорят о нём, но не понимает ни слова.

— Из мягкой глины камень не лепят, — сказал Болхан. — Ты же сам видел, вождь: он смотрит на коня, как на аждара — дракона. Живот поджимает, пятки сводит. А ты его — к табуну. Через месяц от нашего живописца мокрое место останется.

Тириасп не ответил сразу. Он потянул повод, успокаивая Вихря, провёл ладонью по лоснящейся шее жеребца и только тогда посмотрел на Болхана.

— Не ты ли поспорил с Артавазом? — Он вытянул руку в сторону внешнего круга повозок. — Не ты ли за две недели выучил свою Зарину так, что теперь ни один воин в степи не может её нагнать, чтобы взять в жёны? Так и ходит гордая Зарина одна, а молодые воины сохнут и злятся. — Уголки его губ дрогнули. — Ты же знаешь, Болхан: даже гусеница тутового шелкопряда за восемнадцать дней становится бабочкой.

— Одно дело — шелкопряд. — Болхан сжал кошель в кулаке. — И совсем другое — согд.

— Этот согд, — Тириасп неспешно подкрутил ус, — взял лук впервые в жизни и спас твоего вождя. — Он чуть прищурился. — Не забывай про благословение Ахура-Мазды, Болхан. Я не удивлюсь, если к месяцу бога Митры он своими руками поймает Золотого Вихря. Помяни моё слово.

Несколько мгновений Болхан молчал. Потом шумно выдохнул через нос, скользнул взглядом по Фравару — сверху вниз, как мерят необъезженного жеребца, — и приложил правую ладонь к сердцу.

— Отец всех вольных саков, мудрейший Тириасп. — Он склонился. — Коль Болхан берётся за дело — он доводит его до конца. Будет в твоём войске новый воин.

Тириасп усмехнулся и поглядел на Фравара — быстро, с прищуром — и кивнул подбородком в сторону склонённого Болхана. Смотри, мол. Запоминай.

За спиной вождя что-то звонко щёлкнуло, потом послышался сухой треск тростника и сердитый вскрик. Двое мальчишек сцепились прямо у расстеленной овечьей шкуры — один вцепился другому в рубаху, второй молотил кулаком по плечу обидчика. Тростниковые стрелы валялись в пыли. Тириасп не стал окликать — просто шагнул к ним и взял обоих за уши. Мальчишки охнули разом и замерли.

— Где это видано, юные саки, друг другу бока мять, будто персу или яуну? — Вождь развернул их лицом к Фравару и отпустил. Оба потёрли уши, не сводя глаз с чужака. — Видите пехлевана? Он привёз с собой из Курешаты волшебные краски. Вот нарисует ими хвост или рог — так в миг вырастет!

Младший шмыгнул носом и всё же не удержался:

— Моя стрела попала ближе. Я победил. Зарина обещала дать мне пострелять из настоящего лука!

Тириасп покосился на Болхана. Тот стоял красный до корней волос и старательно смотрел в землю. Вождь кашлянул, пряча улыбку в бороде.

— Ах, вот оно в чём дело. — Он сложил руки на груди и оглядел обоих. — Слушайте сюда, драчуны. Рассужу ваш спор по-своему. Кто первым добежит до Зарины и скажет ей, что вождь Тириасп привёз из Сугуды того, кто бросит ей вызов, — тот и победитель. Пусть готовит состязание в день народного собрания. А ну!..

Оба сорвались с места прежде, чем он договорил.

Глава 5. Зарина

В том не любовь, кто буйством не томим.
В том хворостинок отсырелых дым.
Любовь — костёр, пылающий бессонный…
Влюблённый ранен. Он — неисцелим!
Омар Хайям (перевод Ивана Тхоржевского)

Аркан из конского волоса, которым был обвязан тяжёлый тюк, больно натирал плечо, а солёные капли пота заливали глаза, вызывая нестерпимую резь. Ещё этот непослушный локон всё время сползал на вспотевший лоб и щекотал переносицу.

Зарина остановилась и сбросила с плеча неподъёмную ношу, которую несла чуть ли не с противоположного конца кочевья. Её взгляд привлекли всадники личной охраны вождя Тириаспа. Сам вождь, проезжая мимо на своём Чёрном Вихре, будто загадочно улыбнулся ей. Она быстро скользнула взглядом по отряду — и сразу заметила чужака.

Красивый парень с чёрными густыми локонами. Они изящно спадали ему на плечи. Его синий халат, расшитый серебром, ярко выделялся на фоне сакских нарядов из кожи и шерсти. Он сидел на телеге среди тюков и с интересом разглядывал кочевье. Зарина почувствовала, как его глаза с зелёным отливом скользнули по её волосам, фигуре, тяжёлому тюку у ног и снова вернулись к её лицу. Неожиданно их взгляды встретились.

Девушка впервые ощутила, как колотится её сердце. Совсем не так, как на скачках, когда её «Молния» уносила Зарину от потенциальных женихов, которые, как ни ухищрялись, всегда оставались позади. Тогда сердце стучало в ритме галопа, а поющий в ушах ветер уносил к несостоявшимся женихам клубы пыли.

А этот взгляд проник в душу, словно знал, где искать потайную дверцу. По её телу, только что изнывавшему под тяжестью, прокатилась будоражащая волна. Что это? С ней такого не бывало. Сердце колотилось так, что, казалось, заглушит топот копыт.

Девушка схватила тюк, который теперь показался невесомым, и, боясь, что вот-вот подкосятся ноги, решительно скользнула в кибитку.

Зарина опустилась на колени и рванула узел — верёвка не поддалась, врезалась в пальцы. Она потянула сильнее, почти зло, и тюк наконец раскрылся, выдохнув запах пыли и овчины.

Рывком девушка бросила старую кошму на пол, расправила носком сапога складки у дальнего угла. Белая шерсть ложилась горстями — она захватывала её обеими руками, разрывала, встряхивала, раскидывала ровными прядями, слой за слоем, пока перед ней не выросло мягкое облако. Под пальцами шерсть почти не чувствовалась — такой воздушной она выходила после ивовых прутьев и сушки под солнцем.

Из второго тюка Зарина выбирала оттенки на ощупь: вот тёмный, почти рыжий клок — для тигра, вот серый с подпалиной — для гривы. Она укладывала их не думая, руки сами знали, куда. Тигры выходили упругими, кони — будто в шаге. Она плеснула кипятка прямо из горшка — пар ударил в лицо. Следом — кумыс, кислый дух расплылся по войлоку. Шерсть потемнела, осела, слиплась. Зарина прикатила бревно, прижала ладонями, проверила — ровное, гладкое, в самый раз. Подцепила край кошмы и навалилась всем весом, закручивая рулон туго, виток за витком.

Обвязав свёрток верёвкой, девушка вместе с другими женщинами вынесла его за внешний круг кибиток, где её «Молния» мирно щипала траву.

— Что ты украсишь войлок своими любимыми лошадьми — в том я не сомневалась, — поддразнила одна из помощниц. — Но откуда в орнаменте тигры? Неужто в кочевье объявился наездник, что догонит твою Молнию и вырвет из твоих рук платок?

Щёки у Зарины предательски вспыхнули. Она и сама не могла объяснить, почему вдруг выбрала тигров, а не привычные узоры. Просто так красивее — говорила она себе, пока работала иглой. И почти верила собственным словам.

— Оставь её в покое, Санобар! — Женщина в годах мягко оттеснила молодую работницу и помогла Зарине привязать рулон к седлу. — Если кто и осмелится догнать нашу Зарину, то лишь тот, кто тигра одолеет. Не слушай завистниц, дочка. Помяни моё слово — так оно и будет.

— Я не об этом думала, тётушка Сара, — выговорила она, но слова прозвучали не так твёрдо, как хотелось бы. Румянец никуда не делся, и Зарина была рада, что можно спрятать лицо, склонившись над подпругой. Не об этом она думала. Совсем не об этом. Или всё-таки?

Она ловко вскочила в седло и пришпорила коня, увлекая за собой бревно, окутанное сырой шерстью. Скакун рванул вперёд — туда, где степь не задаёт вопросов. Час, другой погони за ветром, и шерсть, стиснутая бревном, превратится в добротный, крепкий войлок. А мысли, может статься, улягутся так же.

Свежий ветер, пахнущий степными травами, так и не смог отогнать мысли о красивом согдийце. Казалось, вездесущее, всезнающее дыхание степи спасовало перед фразой, брошенной тётушкой Сарой невзначай.

«Лишь тот, кто тигра одолеет» — эти простые слова, сказанные в утешение, витали в голове, словно назойливая муха.

Нет, как бы ни был хорош собой согдийский пехлеван, ему ни за что не догнать её Молнию — белоснежного аргамака, пойманного отцом в табуне вождя. Это мог бы сделать разве что Чёрный Вихрь или его буланый братец. Но кто ж его заарканит? Во всей степи это по силам только её отцу, Болхану. Значит, её платок снова останется при ней. А если… поддаться? Дать красавцу дотянуться до платка? Не бывать этому. Она будет принадлежать тому, кто бросит вызов ветру и честно возьмёт свой приз.

С этими невесёлыми мыслями — тягучими, как смола, и такими же липкими. — Зарина не сразу заметила сына кузнеца. Мальчуган бежал ей навстречу и отчаянно размахивал руками. Она встряхнулась: вот так, значит. Даже собственные мысли уже не слушаются.

— Кха! — наездница слегка натянула поводья и перенесла вес тела назад, ослабив давление на бока коня. Молния послушно замедлила ход и остановилась точно возле мальчишки. Хоть кто-то слушается, подумала Зарина с невесёлой усмешкой.

— Что тебе, Арташ? — она спешилась и потрепала его по рыжим вихрам, стараясь, чтобы голос звучал ровнее, не выдав бурю, беснующуюся в душе. — Кто разрешил тебе покидать стойбище? Вокруг полно волков — два дня назад они тут целое стадо разодрали. Ты с ума сошёл?

— Я уже не маленький, к тому же с приказом от вождя! — мальчик гордо вскинул голову, с восхищением поглядывая на лук за её спиной. — Вождь велел сообщить тебе, что он привёз из земель согдов пехлевана, готового состязаться с тобой в стрельбе… А может, даже догонит твою Молнию… и…

— О, духи предков, и ты туда же, — выдохнула Зарина, легонько шлёпнув по затылку улыбающегося мальчишку.

Значит, слухи уже добрались до стойбища. Добрались и обросли подробностями — пехлеван, воин из Сугуды. Она посадила Арташа на мягкие подушки седла перед собой, велела держаться за луку, сама крепко обхватила ногами бока лошади и поймала себя на том, что сжимает их чуть сильнее, чем нужно. — И только за этим ты отправился в степь?

— Вождь велел тебе ко дню благой мысли, когда прибудут старейшины на собрание племени, устроить состязание в стрельбе из лука.

Зарина молчала. Состязание. Старейшины. Она знала, что́ за этим стоит: не просто стрела в цель, а нечто большее — взгляды, которые будут считать каждый её вдох, каждое движение пальцев на тетиве. Стоит дрогнуть — и всё. Настанет конец её свободе, и она станет чьей-то женой.

— Арташ, скажи, только честно, — она крепче прижала мальчугана к себе, почти благодарная за то, что есть кого держать. — Вождь Тириасп не мог послать тебя одного в степь. Неужели у вождя не нашлось для такого важного дела воинов? Признайся, ты всё это придумал?

— Очень надо! — В голосе мальчишки зазвучали нотки обиды. — Мы с Газуком и Кидреем стреляли в овечью шкуру. Я победил, а Газук с Кидреем нарочно сказали, что я промахнулся. Слово за слово, в общем шум нашей драки дошел до ушей вождя. Вождь и сказал: кто первым найдёт Зарину, тот и победил. Ведь я первым сообщил тебе волю вождя? Ты же мне теперь дашь пострелять из твоего лука?

Она слушала и думала: мальчишка дрался за право считаться победителем. А разве она сама не делала то же самое? Только ставки были другими. Разница в том, что Арташ об этом не знал.

— Что, прям так и сказал? Что этот согд бросит мне вызов? — наездница чуть сильнее сжала бока Молнии, и конь перешёл на галоп. Злость поднималась откуда-то снизу, из самого нутра — не на пехлевана, нет. На себя: за то, что уже думает о поражении прежде, чем вложила стрелу в лук. — Думает, меня победит? Мы ещё на это посмотрим! Ур-р-ру! Вперёд, Молния! Улау-ула!

***

Солнце уже касалось краем вершин далёких гор, когда конь под двумя седоками въехал в кочевье. Арташ, получив обещание, что ему разрешат пострелять из настоящего лука, побежал хвастать перед недавними соперниками. Зарина, оставив бревно на берегу ручья, отправилась к шатрам. Сотни раз она проезжала той же дорогой, но сегодня всё было иначе. Она не могла понять, что происходит. Вроде всё знакомо: те же камни, те же колючки, та же тропа, по которой она пройдёт с закрытыми глазами. Но сегодня — всё не так.

И правда, пока она валяла шерсть, в кочевье что-то изменилось. Она, привыкшая замечать малейшие перемены — в степи по-другому нельзя, — сразу стала ловить на себе десятки чужих взглядов. Даже равнодушный ко всему, кроме своей кузницы, Гарнаг — отец рыжего Арташа — оторвался от наковальни и проводил её внимательным взглядом.

Женщины, отбивавшие шерсть ивовыми прутьями, при виде её верхом на коне внезапно замолчали и принялись о чём-то заговорщицки шептаться. А когда она проехала мимо, за спиной услышала их сдавленные смешки. Казалось, всё стойбище обсуждало то, о чём Зарина могла лишь догадываться.

С лёгкой руки вождя Тириаспа златовласая наездница вмиг превратилась в объект всеобщего внимания. Выходит, её поединку с красавцем-согдийцем быть. Неужели вождь только для этого и ездил за Яксарт — чтобы привести ей достойного соперника? А ещё и созывает собрание племени… Видно, вождь всерьёз решил заняться обустройством её личной жизни. Да только для этого женишку нужно не только победить в стрельбе, но и догнать её непобедимую Молнию.

Зарина издали заметила сизый дым, струящийся из их с отцом юрты. Где это видано, чтобы сам отец хозяйничал у очага! Это с ним происходит впервые!

Девушка спешилась и привязала Молнию к коновязи, где уже стоял Громобой отца. Из юрты доносился чарующий аромат жаренного на огне мяса. Отец? Да нет же, никакого запаха

жжёного! Пахло божественно! Не может человек за полмесяца вот так научиться готовить. Во всяком случае, только не её отец, Болхан.

Крадучись в надежде застать отца врасплох, отважная наездница бесшумно скользнула в юрту — и замерла. Великие духи степи! На вертеле, медленно вращаясь над жаром, золотился крупный заяц с хрустящей румяной корочкой, а рядом на дощечке дожидались своей очереди ещё две неразделанные заячьи тушки. Однако у очага колдовал не отец. Тот самый согдиец, чей образ неотступно преследовал её с утра, склонился над мясом, бережно окропляя тушку тёмным вином. Погружённый в своё дело, он не слышал ни лёгкого шелеста полога, ни дыхания затаившейся девушки в двух шагах от него.

Зарина замерла, наблюдая, как гость со знанием дела колдует над дичью. Он по-прежнему её не замечал, и Зарина имела возможность как следует рассмотреть пехлевана из Согдианы.

Какие же у него красивые глаза! Два изумруда! А этот шрам над левой бровью придавал ему особую привлекательность. Он стоял в столбе солнечного света, падавшего из дымного отверстия шатра, и Зарина невольно залюбовалась его лицом.

Согдиец — но какая удивительная, нездешняя красота: кожа нежная, едва тронутая тёплым загаром, словно её коснулось лишь самое ласковое солнце. Прямой нос с лёгкой горбинкой придавал профилю благородную резкость. В то же время парень не показался ей изнеженным, напротив, в нём чувствовалась сдержанная сила, он будто клинок, отлитый искусным мастером.

Губы… Зарина поймала себя на том, что разглядывает их с непривычным волнением. Выразительные, мягкие, но в очертаниях — твёрдость, которая не позволяет назвать это лицо женственным. Во всём его облике, несмотря на богатый халат, читалась мужская уверенность, та самая, от которой сердце сбивается с ритма.

Чёрные волнистые волосы спадали на плечи свободными прядями, подчёркивая чёткость скул и ясность взгляда. Его стройная, широкоплечая фигура держалась прямо, без вызова, но и без робости. Он не из тех, кто прячется за чужими спинами. Зарина знала, что девушки влюбляются в таких парней мгновенно, даже если пытаются скрыть свои чувства за насмешливыми взглядами и колкостями.

Снаружи предательски заржал Громобой. Незнакомец поднял голову от очага — зелёные глаза поймали Зарину прежде, чем она успела шагнуть через порог.

— Вах! Простите, вы так тихо вошли. — Он отложил щепку, поднялся и приложил руку к сердцу, склонившись в поклоне — плавно, без спешки, будто делал это с рождения. — Должно быть, вы Зарина, дочь благороднейшего Болхана? Я позволил себе немного похозяйничать, пока ваш отец ушёл к вождю на совет.

Он кивнул в сторону. У очага на войлоке лежали два зайца — крупные, с лоснящимися боками.

— Успел даже поохотиться, прямо тут, за кольцом кибиток. Богатая у вас степь — не успел выйти из кочевья, как вот эти три красавца сами выбежали на меня. Вы уж извините, если что сделал не так. У меня здесь всё впервые: первый выстрел, первая охота — я лук-то в руки взял дней пять назад.

Зарина молча шагнула к зайцам. Присела. Взяла одного за уши, повернула к свету.

— И вы успели подстрелить трёх? Да ещё таких крупных? У самых шатров?

— Случай благоприятствовал. Ваш вождь Тириасп говорит, что мою руку направляет сам Ахура-Мазда. — Незнакомец пожал плечом. — Я же вам скажу — мне просто повезло. Новичкам везёт. И с тигром вышло совершенно случайно. Уверяю вас, заставьте меня повторить хоть тысячу раз — в глаз тигру я вряд ли снова попаду.

Зарина медленно опустила зайца. В памяти всплыли слова тётушки Сары — она тогда говорила именно об этом.

— Вы хотите сказать, что впервые взяв лук в руки, попали стрелой в глаз тигру? — Она выпрямилась. — Разве такое возможно? Вам не кажется, что это уже как-то чересчур?

— Вот и я думаю — простое везение. — Парень потянулся к щепке и снова проверил зайца на вертеле, не торопясь с ответом. — Только вождь твердит: «Благословение Ахура-Мазды, рука блистательнейшего из фравашей». Хотя, если подумать, без помощи Неба тут точно не обошлось. Я так рассуждаю: спасение вождя — заслуга самого Тириаспа. Небесные силы, двигая моей рукой, хотели лишь сказать, что ещё не время ему отправляться на мост Чинват. А вы как считаете, Зарина?

Она снова взяла обоих зайцев — сначала одного, потом другого. У каждого в левой глазнице зияла аккуратная рана: один точный выстрел, без промаха.

— Я… простая сакская девушка. — Пальцы чуть сильнее сжали заячьи уши. — Стреляю из лука с детства, дичь на охоте добывала не раз. Но чтобы зайца брали выстрелом в глаз — такого не помню.

Она подняла взгляд — он не отвёл своего. Их взоры встретились и замерли: ни один не моргнул, словно два клинка, сошедшихся в поединке.

— И ты после этого решил бросить мне вызов? — Зарина положила зайцев обратно. — Чтобы завоевать моё внимание, воину мало победить в стрельбе. Ему надобно догнать мою «Молнию» и вырвать платок из моих рук — или ждать, пока я сама не захочу его отдать.

— Значит, учиться у твоего отца придётся с удвоенным усердием. — В уголках зелёных глаз что-то дрогнуло — не то улыбка, не то вызов.

Зарина сделала вид, что не заметила искры в его глазах — и мысленно отметила, что парень перешёл на «ты». Она прошла вглубь шатра и принялась за дело: расстелила войлочные ковры, сверху — мягкое кожаное одеяло. На бронзовый поднос с выгравированным львом выставила миски, роговые стаканы и нож. Рядом разложила угощение — финики, дыню, лепёшки — и пристроила турсук с кумысом.

Расстилая ковры, она в уме снова и снова прокручивала разговор. Этот согдиец… красив, умён и невообразимо удачлив. Может, она зря с ним так? Он настырный — гляди, догонит Молнию. Хотя… разве она сама этого не хотела?

Зарина замерла, держа в руках край ковра. А хочет ли она? Скифская дева, которую отец учил читать следы зверя прежде, чем она научилась плести косы, — и вот она стоит и думает о плече чужестранца. В этом было что-то неправильное, слабое. Но почему тогда мысль о его зелёных глазах не уходила, а только теснила дыхание?

Снова раздалось фырканье Громобоя, узнавшего шаги хозяина. В шатёр вошёл отец с корзиной, доверху набитой согдийскими фруктами. — О, вы уже познакомились, — отец одобрительно глянул на готового зайца и бодро прошёл к коврам.

— Ну, дочь, иди помоги гостю. И где же ты, моя красавица, таких зайцев добыла? Не зайцы, а бараны! Вижу, мои уроки не прошли даром. Хорошо, что шкуры сберегла — сошью тебе шапку.

Пока Зарина подбирала слова, как бы помягче сообщить отцу, что он приписал ей чужую заслугу, согдиец неожиданно пришёл ей на подмогу.

— Серый мех — он как утренний туман, очень пойдёт твоим глазам, Зарина, — гость снял вертел с огня и ловким движением ножа переложил дымящегося зайца на бронзовый поднос. Дичь, покрытая румяной корочкой, дышала жаром. — Достопочтенный Болхан, прошу, научите меня обращаться с конём и луком так же ловко, как это делает ваша дочь, чтобы я мог добыть для неё мех на тёплую шубу.

— Вот она сама тебя и научит, — Болхан перевёл взгляд с дочери на гостя, хмыкнул в усы и ничего не сказал. Он ловко разрезал дичь и подвинул Фравару лучший кусок мяса. — Что ж, дети, начнём трапезу. Садись ближе к Зарине, Фравар. Или тебе больше нравится имя, данное вождём — «Попадающий в конский волос — истребитель тигров»?

Зарина перевела дыхание. Она поняла, что отец обо всём догадался и принял игру Фравара. Парень ему понравился — это было видно. Отец не ошибался в людях. Никогда.

Значит, и она не ошибается. Значит, дело не в нём. Дело в ней — в том, что она не понимает, что происходит у неё внутри. И это непонимание злило её сильнее любого промаха.

Парень сел. Его плечо коснулось её плеча — или ей показалось? Она не стала проверять: отвела взгляд на огонь. Сердце Зарины взметнулось в груди — знакомая уже, но оттого не менее пьянящая дрожь пробежала по коже.

Она привыкла знать, чего хочет: коня, лук, ветер, свободу. Но сейчас что-то сместилось — тихо, без предупреждения, как тот момент на охоте, когда вдруг понимаешь, что стрела уже выпущена.

Он сидел рядом — согдиец с глазами цвета молодой травы. От его плеча исходило тепло: едва заметное, но достаточное, чтобы воздух между ними стал гуще. Скоро они будут одни — двое посреди бескрайней степи, что шепчет травами и поёт ветром. И Зарина не знала, радует её это или пугает. Обе мысли жили в ней одновременно, и ни одну она не могла прогнать.

Кровь, разгорячённая кумысом и подслащённая виноградом с инжиром, рисовала в воображении идиллию — и Зарина ненавидела себя за это. За лёгкость, с которой мысли подсовывали ей то, чего не будет.

Но не об этом ли она мечтала, глядя на мерцающие звёзды? Не этого ли просила у обжигающего щёки и трепещущего волосы ветра? Но мечты — не обещания. Ветер никому ничего не должен.

Прежде, в день благой мысли, соберутся старейшины родов, чтобы решить, сколько сынов степи отправятся за Яксарт — навстречу неведомой беде по имени фаланга Искандара Двурогого. Зарина слушала рассказы отца, слышанные от фратараки Курешаты, о кровавых битвах в Троаде и Киликии. Слушала — и замечала в себе нечто постыдное: она искала в этих рассказах ошибку. Слабое место. Причину не верить.

Там смертоносные сарисы яунов смели «бессмертных» самого Дараяваушa — но, может, то была случайность? Может, персы просто дрогнули, а саки не дрогнут?

Теперь сатрап Бесс в Бактрии и Согдиане собирает войска и ждёт летучую конницу саков и массагетов — и никакие доводы не изменят этого. Не для этого ли она теперь возьмётся учить сидящего рядом Фравара — держаться в седле, натягивать тугой сакский лук? Значит ли это, что она приняла неизбежное? Или только делает вид, что приняла, потому что иначе невыносимо? Она не знала. И это незнание пугало её больше, чем сами сарисы.

Но разве её, носящую имя воинственной царицы, могут напугать россказни о Двурогом? Зарина спросила себя честно и не торопилась с ответом. Та Зарина — древняя, легендарная — убила нелюбимого мужа — парфянина Мармарея ради мидийского царя Стриангия. Она выбрала любовь и свободу, положив конец бессмысленной войне. Она действовала.

А эта Зарина сидит у огня и убеждает себя, что кровь предков сама по себе что-то значит. Но это не так. Кровь — просто сосуд. Пустой, пока ты сам не решишься наполнить его смыслом.

Он вернётся. Зарина повторила это как молитву — как условие, без которого всё остальное теряло смысл. Он вернётся в шёлках и злате, с песнями о его подвигах на устах степняков. Или в простой рубахе, пропахший степью. Неважно как. Она позволила себе представить этот день. Додумать его до конца. Он будет там.

Потому что иначе — зачем это всё?

Глава 6. Потерявшаяся стрела

Что там, за ветхой занавеской тьмы?
В гаданиях запутались умы.
Когда же с треском рухнет занавеска,
Увидим все, как ошибались мы.
Омар Хайям (перевод Ивана Тхоржевского)

С кургана, уютно устроившись в тени тамариска, Фравар наблюдал, как на народное собрание прибывали гости. Они шли небольшими колоннами, где с пятью, а где с десятком кибиток. Впереди каждого отряда скакал старейшина в окружении знатных родичей, а позади, поднимая степную пыль, тянулся обоз со скарбом.

Едва кони замедляли шаг, повозки разворачивались полукругом — и войлочные шатры один за другим вырастали из земли, ловко и молниеносно, будто грибы после ночного дождя. Так, друг за другом, ко дню Благой Мысли съезжались посланники родов и кланов, и вскоре рядом с кочевьем Тириаспа возникло целое новое стойбище: добрых две сотни пологих кровель из войлока, курящихся в знойном мареве.

Меж шатрами вспыхнули очаги. В огромных бронзовых котлах — украшенных звериными ликами — бурлили наваристые похлёбки с жирной бараниной и постной кониной, щедро приправленные полынью и чабрецом. На вертелах шипело и румянилось мясо джейранов, кабанов, диких козлов и тучных зайцев — таких же, каких в свой первый день подстрелил Фравар.

На поляне у ручья в тени сизых тополей и ив женщины расстелили войлочные ковры. На них, на подносах деревянных, бронзовых и серебряных, громоздились сыры, шарики сушёного творога и, куда же без него, мясо во всех видах: вяленое, сушёное, копчёное, солёное — на самый взыскательный вкус степняка.

Маракандец не отходил от Болхана. Вождь поставил старого воина руководить обустройством лагеря для гостей, и тот, а особенно его прекрасная дочь Зарина — всё время крутившаяся неподалёку с деланным равнодушием, — с охотой посвящали живописца в тонкости кочевого быта.

Утром следующего дня, когда летний зной ещё не набрал всей силы, по степи полетел ветерок, радуя кочевников своим дуновением, последние прибывшие растянули свои шатры, и все, имевшие право участвовать в собрании, сидели или возлежали на войлочных коврах, наслаждаясь сытной едой и прохладой журчащего рядом ручья.

Первым приветствовал гостей Тириасп, двадцать лет назад избранный на таком же собрании вождём всех вольных дахов и парнов.

— Вольные сыны степи! От седых гор Пои-Михра — до солёных вод Окского моря! Вы, чьи кони топчут берега жемчужного Яксарта, а табуны гремят копытами до самых земель каспиев, — слушайте вождя! Я, Тириасп, избранный вашей волей посредником между Небом и Землёй, спрашиваю вас: быть ли походу?! Поведём ли мы коней за Окс, через седые хребты Парапамиза, к берегам стремительного Арван-Руд — или будем ждать, пока враг сам придёт к нам?! Вы слышали об Искандаре Зулькарнайне и его длинных сарисах. Половина империи Ахеменидов уже лежит у его ног — раздавленная, безмолвная. Он пожрёт всю Персию, кинет свой ненасытный взгляд на Бактрию и Сугуду — и потянется к нашим степям, к нашим детям, к нашим табунам! Так решайте же — здесь, сейчас, не медля! Сломаем ему рога на берегах Тигра — или впустим за Яксарт испробовать тяжесть сакских сагарис?!

— Скажи, о Тириасп, чей голос слышат сами небеса! — выкрикнул с места молодой Зирин, унаследовавший место старейшины рода степняков с низовий Яксарта после отца. — О каком количестве всадников речь? Прошлая зима в наших краях выдалась малоснежной, травы уродилось мало, и наши кочевья вынуждены были уходить далеко на север, к землям исседонов, которые своими набегами разоряли наши стойбища. А нынешней весной дошло до того, что массагеты увели лучший табун. Для защиты нужны воины. Стоит ли нам думать о чужих походах, когда наши копья нужны нам самим?

— Понимаю тебя, храбрый Зирин, — Тириасп отрезал большой шмат жареной баранины, поднял его, чтобы все видели, как течёт жир по его загорелой руке, и демонстративно отправил в рот. — Массагеты в общем походе из врагов станут побратимами. Сатрап Бесс ждёт от них две тысячи всадников, а с нас — всего тысячу воинов да табун в триста голов. Зато половину добытого у яунов мы унесём в наши степи. Это касается не только золота, но и рабов. Что скажете, саки? Разве это того не стоит?

Фравар сидел рядом с Болханом и пировал вместе со всеми на берегу ручья. Он привык замечать то, что другие упускают. Кто-то хлопнул соседа по плечу, выкрикнул что-то — слова утонули в шуме. Мечи застучали по щитам. Одобрительные возгласы, потом — сердитые голоса с другого края круга. Двое уже стояли, переругиваясь через костёр. Остальные тянули шеи, шептались, переглядывались. Среди этого гомона поднялся старейшина Гарпаг. Медленно, опираясь на копьё обеими руками. Морщины глубокие, борода больше седая, чем тёмная. Он не крикнул — просто встал. Те, кто сидел рядом, замолчали первыми.

— По полёту птиц видно — зима будет лютой, — обвёл он взглядом собравшихся. — Нашим женщинам понадобится много шерсти, чтобы утеплить шатры, стало быть, и в степи рукам наших мужчин найдется работа.

— На это я отвечу так, — Тириасп одним глотком осушил золотую чашу кумыса и резко смахнул капли с бороды. — Фратарака Курешаты Оксиарт обещал выслать мастеров за Яксарт и выстроить нам каменный город для зимовья — там, где я укажу! Разве это не достойная цена за остроту наших сагарис?

Слова вождя ударили в толпу, как тяжёлая булава в плетёный щит. Ропот осёкся. Противников похода в один миг стало куда меньше. Большинство уже разделяло уверенность Тириаспа — но старейшина рода парнов Гарпаг стоял особняком, и лицо его по-прежнему оставалось каменным.

— Пусть верховный жрец погадает на потрохах. — Парн шагнул вперёд, подошва его сапога скрипнула по камню. Он не отвёл взгляда от Тириаспа. — И не посылай людей за овцой — не трудись. Она стояла у твоего порога, дышала воздухом твоего двора, пропиталась лучами твоего фарна. Такое мясо не годится богам.

Он вскинул руку, указывая куда-то за спины воинов.

— Вон тот юноша — зеленоглазый, в согдийском халате. Я видел, как он точит стрелы в тени Болхана. Пусть возьмёт лук и выйдет в степь. Джейран, заяц — пойдёт и суслик, в конце концов. Нужна свежая кровь, не тронутая твоим фарном. Тогда мои воины склонят головы перед волей фравашей. — Он сложил руки на груди и замолчал, давая понять, что сказал всё.

Фравар вздрогнул, поняв, что Гарпаг указывал на него, и в этом жесте читалось всё: ты здесь лишний, ты не охотник, ты украшение чужого пира. Краска бросилась в лицо, и Фравар поблагодарил богов за то, что солнце Сугуды давно выжгло из его кожи всякую бледность.

Тем временем вскочил на ноги Сатрак.

— Фарн вождя Тириаспа — отца всех саков по обеим сторонам Яксарта — распространяется на всю степь! — подал голос круглолицый Сатрак, старший сын вождя. — И джейран, и тигр, и полевая мышь — всем досталось фарна моего отца. Так зачем утруждать охотой живописца из Мараканды? Довольно и овцы.

Слово «живописец» прозвучало как приговор. Или как оскорбление. Фравар не был уверен, что одно другого лучше.

— Ты говоришь, как любящий сын, — стоял на своём Гарпаг. — У джейрана лёгкие ноги, и они легко переносят его за Пои-Михр. Там фарн вождя не так силён.

Круглое лицо Сатрака налилось кровью, и он потянулся к мечу.

— Сатрак! — криком одёрнул сына Тириасп. — Достопочтенный старейшина в своём праве. Через вольный ветер степи духи предков делятся с джейраном благодатью Неба! Пусть будет по твоему, Гарпаг. Болхан, зови своего ученика Фравара.

***

Фравар шёл сообщить Зарине о решении совета старейшин и нашёл её в дальнем конце кочевья. Она стояла перед земляной печью — танур гудел жаром, и воздух над ним дрожал, превращая далёкие горы в размытые тени. Согдиец хотел окликнуть её, но остановился и опустился на корточки чуть в стороне.

Зарина зачерпнула пригоршню подсоленной воды из плошки и провела ладонью по низу лепёшки — быстро, привычно. Потом развернулась к печи и хлопнула тестом о раскалённую глину. Звук вышел сочный, резкий — шлеп и она уже тянулась за следующей.

Фравар не шевелился. Горячий дух свежего хлеба накрыл его, и в желудке свело — он вдруг понял, что так ничего и не съел на пиру. Но смотрел он не на печь. Запястье Зарины мелькало в мареве — раз, ещё раз, — и каждый раз точно туда, куда нужно. Ни одного лишнего движения.

Она не работала — она существовала в ритме, древнем, как сама степь. Спина изгибалась с лёгкостью молодой ивы под ветром, руки взлетали и опускались без малейшего усилия, будто вода, текущая по камням. В этих, казалось бы, простых движениях таилась истинная гармония — магия всё побеждающей жизни.

Каждый раз, прижав лепёшку к глине, она бросала на него мимолётный взгляд — быстрый, как порхание стрекозы над водой. И когда их глаза встречались, губы её трогала улыбка: почти детская, невинная, с ямочками на щеках и тенью робости в уголках глаз. Фравар ловил эти мгновения всей кожей, всем нутром — и пальцы сами тянулись к воображаемой стене, требуя кисть. Как тогда, в Курешате, когда он выводил черты Рушанак на оштукатуренной стене сада Оксиарта. Но сейчас перед ним была другая женщина. Другая песня.

Рядом на плоском камне лежала доска для теста, присыпанная мукой. Не раздумывая, Фравар поднял тонкую соломинку и коснулся белой поверхности. Одним движением обозначил изгиб брови, лёгкую дугу губ, ямочки, проступающие в такт дыханию. Портрет жил лишь миг — пока Зарина не повернулась к нему с вопросом в глазах.

Этот волшебный миг прервало появление слуги Болхана.

— Простите, госпожа, ваш отец послал меня за господином живописцем, — слуга почтенно склонил голову и не поднимал её, пока Фравар не встал. — Вождь Тириасп велит господину из Сугуды взять подаренный ему лук и колчан и отправляться в степь на охоту немедля. — Слуга замялся, не решаясь продолжить. — Господину живописцу велено добыть джейрана для гадания по внутренностям.

— Вонан, ты хорошо расслышал, что вождь сказал про джейрана? — Зарина отошла от печи и на мгновение замерла, увидев своё лицо на доске. Затем ладонью затёрла рисунок и встала перед слугой. — После такого шума в округе на расстоянии дневного перехода теперь не найти и зайца, не то что джейрана. Кто надоумил на это вождя? И почему это должен сделать Фравар?

— Я простой слуга, госпожа, мне ли рассуждать о помыслах старейшин, — Фравару показалось, что с языка Вонана готово сорваться слово, но тот не решался его произнести. Однако

требовательный взгляд Зарины не оставил ему шансов. — Мне показалось, что старейшина рода парнов… Он не мог не знать, что топот коней распугал всю живность в округе. Правда, он затем поправился и предложил добыть хотя бы зайца или мышь… Но…

— Я выполню волю вождя и добуду джейрана, — Фравар произнёс это обыденно, будто у него за спиной паслось целое стадо этих пугливых животных. — Ступай, Вонан, успокой своего господина. И скажи жрецу, пусть он готовит самые острые ножи.

Зарина дождалась, пока слуга не скрылся за шатрами, и шагнула к Фравару, встав так близко, что он невольно чуть подался назад.

— Ты с ума сошёл? Как ты это сделаешь? Они хотят тебя подставить — ты вообще понимаешь, что происходит?

Фравар не ответил сразу. Он взял травинку, покрутил между пальцами и бросил.

— Прости. Не успел рассказать. — Он поморщился, махнул рукой. — Упёртый у парнов старейшина. Бывает. Помолчал. Потом в его глазах что-то изменилось — в уголках появились мелкие морщинки. Он поднял перед собой раскрытую ладонь, чуть согнул пальцы, будто сжимая невидимый ломоть, и медленно поднёс к лицу. Потянул носом. — Помнится, в день нашего знакомства ты не стала есть дыню. — Он опустил руку. — А джейраны от неё не откажутся. Где у них тропа на водопой? Зарина посмотрела на его пустую ладонь. Потом на него.

— Ты думаешь, запах их приманит… Она замолчала на полуслове и посмотрела в сторону — туда, где у коновязи сохли на жердях две шкуры, рыжеватые, вытянутые. Её губы сначала сжались, потом медленно разошлись в улыбке. — А ведь это может и сработать, только нам с тобой придётся поверх одежды накинуть шкуры джейранов. Я как раз сегодня две шкуры повесила сушить для отца.

— Нам?

— Кто же тебе покажет тропу на водопой? — Зарина подбоченилась, чуть наклонила голову. — К тому же ты новичок, и лук в руках держишь, ну, почти что впервые.

***

К закату, ко времени вечернего водопоя, охотники уже вышли к тропе. Зарина указала Фравару на ярко-зелёный валик, опоясывающий голый участок земли, усыпанный помётом джейранов. Овал длиной в рост человека был вытоптан копытами, а зелёная кайма вокруг проросла из семян, прошедших сквозь звериные утробы. Среди сухих, рассыпающихся гранул виднелись и свежие, тёмные — значит, стадо прошло здесь сегодня утром. А разный размер «горошин» выдавал присутствие и взрослых самцов, и робкого молодняка.

Фравар поморщился, когда спутница взяла один из свежих шариков и растёрла его по сапогам. Её немигающий взгляд заставил его последовать примеру. Теперь от них пахло степью и зверем — и больше ничем.

Вскоре за лентой карагачей блеснула вода: небольшое озерцо в обрамлении густого ивняка. Над кустами склоняли сизые кроны два приземистых тополя. Здесь, в двадцати шагах друг от друга, под разными деревьями, охотники устроили засаду — предварительно разбросав на тропе сочные ломтики дыни, источающие сладкий манящий аромат. Оставалось ждать. И слушать, как степь замирает в ожидании ночи.

Ждать пришлось недолго. Вдали раздался трубный рёв самца, отгоняющего соперников, а чуть погодя — уже заметно ближе — Фравар услышал хриплые крики. Это самки подзывали отклонившийся от тропы молодняк.

Сумерки ещё не сгустились, и Фравар отчётливо видел фигуру напарницы. Она жестами показала: он стреляет в самца, а она — в молодую самку, рядом с которой терся ещё неокрепший детёныш. Стрелять — по её кивку.

Сквозь ветви ивняка пологий берег просматривался как на ладони. До воды — шагов двадцать пять. На такой дистанции промах был бы бесчестьем даже для новичка. Группа стройных джейранов с тёмными пятнами на лбу и изящными полосками ото рта к глазам замерла у кромки воды.

Фравар прицелился в белоснежную грудь самца и, ожидая сигнала, краем глаза следил за напарницей. Та, видимо боясь осрамиться перед согдийцем, медлила, выцеливая точку.

И вдруг он заметил движение.

Над её головой из темноты выгнулась блестящая тёмная лента. Змея. Гюрза — огромная и неотвратимая, как проклятие — свисала с ветви тополя. Ещё миг, и она ударит. Сердце Фравара сжалось ледяным комом. Он выстрелил. Звон тетивы — и время остановилось.

Две стрелы сорвались с луков одновременно. Раздался тревожный рёв самца, услышавшего свист стрелы, а затем — глухой удар и всплеск. Но Фравар не видел источник звука: его взгляд был прикован к извивающемуся в судорогах тёмному шнуру. Его стрела вонзилась в тело гадины чуть ниже головы, и надёжно пришпилила змею к стволу дерева.

Зарина, выпустив стрелу, стремительно рванулась к воде. Лишь тогда Фравар повернул голову к берегу. Напарница уже склонилась над поверженной газелью. А в озере, по колено в воде, дрожа всем телом, застыл её детёныш. Остальное стадо во главе с уцелевшим самцом уже уносилось в сумерки, вздымая облака пыли.

— Похоже, первое состязание ты проиграл, — пристыдила согдийца сакская охотница. — Где же твоя стрела, бьющая в конский волос?

— Наверное, полетела искать этот самый волос в степи, — отшутился Фравар, всё ещё ощущая внутреннюю дрожь. — Но так ли это важно — мы получили то, что хотели. А стрела… Она потерялась.

***

Когда Фравар бросил тушку самки джейрана к ногам Тириаспа, а Зарина на верёвочке привела детёныша, споры в собрании смолкли. Могучие воины цокали языками, кивали друг другу, выражая восхищение меткостью стрелка. Вождь сиял от гордости и с благодарностью смотрел на двух молодых людей — зеленоглазого согдийца и истинную дочь степей, красавицу Зарину.

Маракандец перевёл взгляд на девушку. Она не шелохнулась — стояла прямо, плечи развёрнуты, подбородок чуть вздёрнут. Она прижимала к груди дрожавшего от страха детёныша. Крики вокруг катились волнами, но ни один мускул на её лице не дрогнул: ни у глаз, ни у рта. Она смотрела на него спокойно, почти скучающе, как смотрят на чужой спор, к которому нет никакого дела. Маракандец медленно выдохнул и опустил взгляд на землю.

— Зовите Раданфара, — произнёс он негромко. Воины переглянулись и расступились.

— Здесь я. — Из-за их спин выступил старый Раданфар. Посох с вырезанными звериными ликами глухо ударял о землю при каждом шаге. Жрец остановился, поднял голову и долго смотрел на Зарину — так, словно читал что-то написанное у неё на лбу. — Пусть эта юная дочь степи поведёт детёныша семь раз вокруг священного огня.

Его сухой голос скрипел, как ветви трёхсотлетнего карагача.

— Первый круг откроет волю Солнца. Второй — волю Огня. Третий — шёпот Ветра. Четвёртый — сны Предков. Пятый, шестой, седьмой… Явят тайну трёх миров: Небесного, Земного и Подземного. Начинай, дитя. Духи ждут.

Подбежали жрецы помоложе — торопливые, с влажными от волнения губами. Они встали вокруг чаши и затянули молитвы нараспев. Зарина шагнула вперёд. Пламя качнулось ей навстречу, лизнуло воздух, бросило алые блики на её скулы. Она шла — один круг, второй,

третий — держа детёныша обеими руками, прижав его к груди. Тот не дёргался. Только смотрел в огонь круглыми глазами.

На седьмом круге Зарина остановилась. Молча передала детёныша жрецу — будто отдавала что-то, чего уже не вернуть — и сразу шагнула назад, за плечо Фравара.

Согдиец почувствовал её дыхание — горячее, частое — у левого плеча. Потом — едва ощутимое касание: влажные ресницы коснулись кожи. Он не обернулся. Нащупал её ладонь за спиной, накрыл своей.

Она не убрала руку. Прижалась лбом к его плечу, и он ощутил, как мелко вздрагивали её пальцы, пока жрецы разворачивали нож над чашей.

Фравар впервые наблюдал гадание по внутренностям — и понял, что смотрит совсем не туда. Взгляд сам нашёл Болхана: отец Зарины склонился над убитой самкой джейрана и не отрывал глаз от стрелы, торчащей из шеи животного. Живописец почувствовал, как внутри что-то сжалось. Без сомнения, Болхан узнал оперение. Понял, чья рука натянула тетиву.

Маракандец знал это так же верно, как знал собственное дыхание. Он не выпустил Зарину. Не отодвинулся. И ненавидел себя за то, что не сделал ни того ни другого — то ли из упрямства, то ли из трусости, прикинувшейся смелостью. Отец девушки поднял голову. Мгновение — не дольше. Взгляд нашёл дочь, нашёл его, остановился где-то между ними. Фравар ждал ярости. Ждал слова, жеста, чего угодно, что можно было бы принять или отвергнуть. Но Болхан лишь молча сломал хвост стрелы, бросил обломок в траву и шагнул за спины сородичей, следивших за жрецами. Он не обернулся. И это молчание осталось в груди согдийца занозой, которую не вытащить.

***

Раданфар поднял над головой печень жертвенного джейрана. Кровь стекала по запястью, падала на выжженную землю алыми каплями.

Старик молчал долго — так долго, что ветер замер, будто прислушиваясь.

— Там, — выдохнул он наконец и указал посохом на запад. — За рекой, чьи воды текут против солнца. За стенами из обожжённой глины, что вздымаются выше куполов небесных.

Он перевернул печень. Кровь хлынула сильнее.

— Там их царь. Двурогий. Я вижу его шлем — он парит над войском, как молния над бурей. Он не знает, что такое степь. Думает, земля кончается там, где ступила его нога.

Голос жреца окреп, скрип исчез, уступив место звону пророчества.

— Но я вижу иное. Вижу, как его конница тонет в песках, не знавших дождя. Вижу, как стрелы его воинов теряются в просторе, что не имеет конца. Вижу, как сакская плеть касается его спины раньше, чем меч покинет ножны.

Раданфар опустил печень и обвёл взглядом собравшихся.

— Фраваши спрашивают: хотите ли вы, чтобы внуки ваших внуков, сидя у священного огня, произносили ваши имена с благоговением? Чтобы вдовы яунов проклинали день, когда их мужья увидели сакские знамёна на горизонте? Чтобы сам Двурогий, испуская дух, прошептал: «Лучше бы я никогда не ступал за Яксарт»?

Тишина сгустилась, стала плотной, как вода в глубоком колодце.

— Тогда идите за Тириаспом. Духи уже расчистили вам путь.

Старик опустил посох, опёрся на него обеими руками и закрыл глаза. Слова иссякли.

Воины молчали. Гнетущее молчание повисло над степью — молчание людей, которые примеряют на себя славу.

Глава 7. Болхан

Шиповник алый нежен? Ты — нежней.
Китайский идол пышен? Ты — пышней.
Слаб шахматный король пред королевой?
Но я, глупец, перед тобой слабей!
Омар Хайям (перевод Ивана Тхоржевского)

Болхан любил смотреть на дочь со стороны — когда она не знала, что за ней наблюдают. Зарина была вся в мать: та же линия скул, тот же изгиб бровей над прямым взглядом. Иногда это было невыносимо — видеть Фароат в чужом лице и знать, что та ушла рано, едва девочка научилась заплетать косы без чужой помощи. С тех пор он растил дочь один. И всякий раз, когда гордость поднималась в груди, следом приходил холодный вопрос: нужно ли ей это?

Выросла такой, какой выросла. Не до хны и сурьмы, не до вышивок на подолах. Зарина с детства разбиралась в тетиве и оперении, в том, какой прогиб лука делает стрелу певучей, а какой — смертоносной. Он сам учил её. Сам вкладывал лук в детские руки. Сам — и некого больше винить.

Порой Болхан жалел, что не взял другую жену. Красавицы кочевья надевали лучшие платья, проходя мимо его шатра, призывно покачивали бёдрами под звон монист. Он смотрел и отворачивался — и до сих пор не мог сказать себе честно, почему. Из верности ли Фароат? Или боялся, что новая жена выдаст Зарину замуж прежде срока, уберёт лук из её рук, сошьёт ей мягкие туфли вместо сапог. Будь в доме женщина — разве выросла бы дочь такой упрямой? Разве который год подряд уносила бы от парней свой красный платок? Он задавал себе этот вопрос и не находил ответа — только смутную, неловкую вину.

У старого воина щемило сердце, глядя, как ровесницы Зарины уходят в чужие кибитки. Те, может, и старались сохранить платки, да не слишком рьяно: позволяли себя догнать, нарочно спотыкались на ровном месте, «случайно» роняли камчу. А его Зарина из года в год оставалась недосягаемой звездой. Сколько молодых воинов возвращалось со скачек — кони в мыле, бока пыльные, а в руках пусто. Болхан смотрел на дочь и думал: я воспитал её непобедимой. Но кто спросил её — хочет ли она побеждать?

А теперь он видел иное: как дочь опускает глаза при согдийце. Как прижалась лбом к его плечу — легко, доверчиво, будто так было всегда. Болхан не помнил, чтобы Зарина вот так, без слов, доверялась кому-нибудь. Даже ему.

И ещё он видел стрелу, торчащую из шеи джейрана. Знакомое оперение. Его школа.

Неужели и сейчас его дочь не переступит через гордыню? Неужели снова уйдёт от парня, от судьбы, от себя самой? Он учил её держаться прямо. Не гнуться. А научил ли он её — доверять?

Болхан отломил оперение стрелы, поднял глаза и встретился взглядом с Фраваром. В его взгляде не было сомнения. Не было и вызова. Просто — взгляд человека, которому незачем ничего доказывать.

Но… Он видел, как этот молодой согд стреляет. Не каждый сак попадёт стрелой тигру в глаз. Ещё он видел, как легко от его стрелы зажёгся сигнальный костёр. Такая рука не знает промаха.

Болхан вспомнил, как согдиец промолчал, оставив славу удачного стрелка его дочери… А ведь зайцы были биты стрелою в глаз! Все три! Промолчал. Улыбнулся — и промолчал. Это была не слабость. Болхан понял это только сейчас, и понимание встало поперёк горла.

Парень стрелял. Болхан знал это наверняка — специально пересчитал стрелы в колчане согдийца и не досчитался одной. Любой сак в кочевье узнает эту стрелу: ведь это вождь Тириасп подарил пехлевану свой лук и колчан. Значит, парень намеренно пустил стрелу в небо. Отдал победу — той, кому она была нужнее. И ни слова об этом.

Стрела вождя не должна лежать в степи. Она обязана поразить цель.

Зарина сказала: джейрана добыли на водопое, у карагачевой рощи.

Болхан долго смотрел на сломанное оперение в своей руке. Потом выбросил его в траву за ручьём и поднялся.

***

Ещё не стихли голоса степняков, распалённых пророчеством Раданфара и кумысом, когда Болхан вскочил на Громобоя.

Далёкие горы уже отливали золотом. Ветер нёс ночную прохладу, приятно холодя загорелое лицо всадника, под копытами аргамака шуршала высушенная зноем трава. Терпкий дух полыни и чабреца щекотал ноздри. Болхан подгонял коня камчой, но Громобой и сам рвался вперёд, словно чуял нетерпение хозяина. Всадник похлопал его по могучей шее и выкрикнул воинственный клич:

— Улау-ула! Вперёд, мой верный друг!

Огненный конь вспугнул сизого степного луня у низкорослого саксаула. Птица степенно расправила крылья, поплыла над ковылём и опустилась на ближнем пригорке, не желая далеко удаляться от своих владений.

Степь только просыпалась, когда из утренней дымки проступил зелёный островок карагачевой рощицы, сквозь которую поблескивала вода утиного озера. Именно здесь, в кустах разросшегося ивняка, можно было устроить засаду. Другого места, чтобы подкараулить джейранов у воды, и не сыщешь.

Джейран — зверь пугливый, чуткий к малейшему шороху. Как Зарине с Фраваром удалось остаться незамеченными — ведает лишь степь да ветер, играющий ковылём. А может, прав Тириасп — этого согдийца и впрямь ведёт Ахура-Мазда. Иначе откуда такая удача?

У самой воды Болхан спешился. На сырой земле отчётливо отпечатались копыта джейранов… и подошвы согдийских сапог. Ага, вот и женская нога оставила свой след, там, где бывалый следопыт обнаружил лужицу запёкшейся крови.

Следы рассказали Болхану, что здесь упало тело подстреленной самки джейрана, а детёныш инстинктивно отпрыгнул в воду, откуда его и достал Фравар.

Охотник обернулся к роще. Где бы затаился он сам? Взгляд мгновенно выхватил два приземистых тополя над ивняком — идеальная засада. Лучшего места для стрелков трудно найти. Ивовые прутья надёжно скрывали стрелков, а до воды было шагов не больше двадцати пяти. С такого расстояния и малолетний рыжий Арташ не промахнулся бы. А взрослый пехлеван, прозванный попадающим в конский волос, и подавно.

Где же стрела Фравара? Промах исключён. Значит, если самку сразила стрела Зарины, то парень ранил самца — тот унёс стрелу с собой. Но Болхан помнил следы убегающего стада: ровные, без запинки, без алых капель на вытоптанной земле. Раненый зверь бежал бы иначе.

Болхан вгляделся в кусты. Согдиец, которого он успел узнать, — не из тех, кто тратит стрелу вхолостую. Выходит, он не стрелял вовсе или в спешке уронил стрелу, а среди такого густого кустарника её мудрено отыскать.

Что ж, остаётся осмотреть место засады. Глядишь, кусты расскажут всё сами.

Болхан начал с дальнего дерева, где без труда обнаружил следы Фравара — многому ещё его нужно учить. Парень совсем не знаком с маскировкой. Вон как наследил, будто не человек,

а медведь прятался в кустах. Охотник тщательно осмотрелся, но стрелы не нашёл. Ей некуда было здесь деться.

Тогда он представил себя молодым парнем. Куда бы он смотрел?

Конечно, на девушку, ну, хотя бы для того, чтобы не пропустить сигнал. В том, что охотой заправляла его дочь, Болхан ни капли не сомневался.

Зарина, должно быть, пряталась под другим тополем.

Мысль пришла холодной волной. Воин медленно поднял глаза к ветвям тополя — и увидел то, чего не заметил с первого взгляда: чёрный блестящий жгут, пригвождённый к коре. Змея. Мёртвая. Стрела вонзилась ей под голову.

Он стоял долго, глядя на это. Потом тихо выдохнул — и впервые за много дней почувствовал, как отпускает сердце.

***

Вернувшись в кочевье, Болхан обнаружил за кольцом кибиток лишь немногих стариков. Мужчины, видимо, продолжали пир у ручья — но прежде чем он успел двинуться туда, в него со всего размаху врезался рыжий Арташ. Мальчишка нёсся, не глядя под ноги, и, стукнувшись о колено воина, растянулся на земле.

— Арташ, куда так летишь? — Болхан поднял мальчугана и заглянул ему в глаза. — Что стряслось? Исседоны табуны увели? Или массагеты напали?

— Да нет же, дядя Болхан! — мальчик рассмеялся. — Кто посмеет напасть на кочевье, где собрались все старейшины и лучшие воины? Твоя Зарина для согдийца испытание устроила! Хочет проверить, правда ли он в конский волос попадает. Пусти, я спешу — она обещала дать мне пострелять из своего лука. Знаешь, как долго я о том мечтал?

— Ну, если торопишься… — Болхан потрепал мальчишке рыжие кудри. — Тогда я отвезу юного воина на Громобое. Не убоишься?

— Скажешь тоже! — фыркнул Арташ. — Зарина меня уже катала на своей Молнии. Как видишь, цел!

— Тогда держись крепче. А то лук Зарины достанется другому.

Арташ оказался действительно храбрецом. Мальчишка так крепко держался в седле — спина прямая, руки расслаблены, а ноги крепко сжимали коню бока. Через год, другой будет сам объезжать жеребца. Хороший воин растёт у кузнеца. Мальчишка, как его волосы — огонь!

Болхан с Арташем успели вовремя.

Мужчины ещё только взбирались на курган, волоча за собой свёрнутые кошмы. Вот одна группа остановилась на склоне у кустов тамариска. Войлок хлопнул о землю, поднял пыль — кто-то закашлялся, кто-то засмеялся. Расселись, локоть к локтю, вытянув шеи. Внизу, у подножья, стрелки молча вставали в ряд, плечо к плечу, не глядя друг на друга.

Зарина шла по поляне, отсчитывая шаги. На тридцатом она остановилась и воткнула два шеста — между ними натянула верёвку, нанизала кожаные диски-мишени. Маленькие, круглые, они сразу завертелись и заплясали, будто живые. Требовалось особое мастерство поразить такую цель.

Потом она пошла дальше, не оглядываясь: семьдесят шагов. Здесь она велела рабам вкопать длинный столб с поперечными жердями на вершине, расходящимися подобно лучам солнца. Когда столб уже стоял, она к каждой поперечине привязала по овечьей шкуре — тяжёлые, они дёргались и разворачивались боком, словно нарочно.

И наконец — сто шагов. Зарина достала из-за пояса соколиные перья и примотала их к вершине ещё одного столба. Перья затрепетали. Кто-то из мужчин на кургане присвистнул.

Лишь поразившие перо допускались к следующему испытанию — стрельбе по-сакски: на скаку, не держась за поводья, или назад через плечо. Но сегодня скачек не предвиделось — справедливо: один из стрелков пока не имел своего скакуна.

Болхан опустил Арташа на землю, но сам не поехал к мужчинам. Остановился на пригорке — подальше от чужих глаз, поближе к тому, что нужно было увидеть самому. Отсюда он хорошо видел всё: мишени, стрелков, дочь. Зарина поправляла верёвки и делала вид, что занята делом, — но взгляды её то и дело уходили в сторону согдийца. Болхан усмехнулся. И тут же поймал себя на том, что усмешка — защита. Привычка прятать за улыбкой волнение.

Фравар стоял поодаль, пальцами проверяя тетиву. Болхан смотрел на него и ждал той спокойной уверенности, которая так раздражала. Но на лице юноши он увидел другое — напряжение, которое не скроешь. Старый воин молчал. Он понимал: для этого парня поединок — не про стрелу и не про честь. Проиграть сейчас — значило потерять её навсегда.

И где-то глубоко в памяти, там, куда Болхан старался не заглядывать, шевельнулось что-то похожее на него самого. Когда-то он так же стоял, напряжённо всматриваясь перед скачками в красный платок Фароат.

Слава о дочери Болхана, Зарине, гремела по кочевьям дахов и парнов: ни один стрелок степи не сравнится с ней в меткости. Говорили, что даже у массагетов ребятишки, играя самодельными луками из веток карагача, нарекали себя её именем. Не родись она девицей — стала бы первым воином в коннице Тириаспа, а то и, подобно великой тёзке — царице, повела бы саков на земли Мидии.

Старый воин не ждал большого числа участников — мужчины боялись прослыть проигравшими в стрельбе простой сакской девушке, ведь в таком случае проигравший воин становился рабом победительницы. Но пятеро всё же отважились — трое с низовий Яксарта и двое из рода парнов. Авось удача улыбнётся — и воительница сама войдёт в их шатёр.

А сам отец Зарины стоял душой с согдийцем — и это раздирало его пополам. Всей своей выдержкой, всей зоркостью желал он Фравару победы; будто сила его старых рук перетекала в юношеские пальцы чужака. Болхан поймал себя на этом желании — и устыдился. Так пришёлся к сердцу этот простой зеленоглазый парень, что отец позволил себе немыслимое: желать поражения собственной дочери.

Он любил Зарину больше жизни — и именно поэтому хотел, чтобы стрела её склонилась перед стрелой Фравара. Только так она обретёт мужа. За ним она будет как за несокрушимой скалой. Это ли не любовь? Болхан не был уверен. Он лишь стоял и смотрел — и молчал о том, что творилось внутри.

Судьи ударили копьями о щиты. Семь стрел просвистели разом — и семь дисков вздрогнули, пробитые насквозь.

Снова звон щитов. Теперь стрелам лететь на сорок шагов дальше.

На этот раз стрелки не стреляли разом. Овечьи шкуры сильно раскачивались на порывистом южном ветру, и воинам приходилось подолгу целиться, прежде чем спустить тетиву — делая поправку на ветер и движение мишени.

Воин парн выстрелил первым — его стрела лишь задела край шкуры и унеслась в степь. Промах. Второй парн выпустил стрелу следом и попал точно в цель. Среди трёх яксартцев один тоже промахнулся. Наконец подошла очередь Зарины и Фравара: они натянули луки и спустили тетивы одновременно — единым дыханием. Болхан зажмурился и открыл глаза лишь тогда, когда толпа разразилась восторженным гулом. Две стрелы торчали в шкуре рядом — будто руки их владельцев успели коснуться друг друга прямо в полёте.

Настал момент истины.

Редкий воин попадал в перо — оно трепетало на ветру, дразнило. Без преувеличения, Болхан знал только нескольких, кому удавалось это сделать, и одна из них — его дочь. Все стрелки, кроме Фравара и Зарины, положили свои луки на землю, признавая своё поражение.

Над курганом повисла тишина, густая, как смола. Слышно было, как шелестит ковыль и позванивают удила у коновязи. Болхан закрыл глаза. В тишине билось только его сердце — тяжко, как боевой барабан.

— О фраваши, бессмертные духи предков, и ты, Папай, — взмолился отец красавицы Зарины, чья стрела под боевой клич саков «Улау-ула» срезала с шеста перо. — Не отвернитесь и от сына Сугуды. В его жилах течёт сакская кровь — крови моей дочери сродни. Направьте стрелу сына скифянки с берегов Ашхаены в сизое соколиное перо. Дайте моей дочери не победу, а мужа, за которым она будет, как за нерушимой скалой!

Раздался свист стрелы… Тишина… И тишина взорвалась:

— Улау-ула! Улау-ула!

Второе перо слетело с шеста.

Когда стих боевой клич, поднявший с земли жаворонков и стрижей, Болхан поднёс к губам охотничий рог — и короткий, резкий звук пронзил воздух. Все взгляды обратились к нему. Жилистый воин, несмотря на годы, легко сбежал с пригорка и остановился перед Тириаспом.

— Отец дахов, парнов и саков низовий Яксарта, — начал он, выдержав паузу и обведя взглядом склон кургана, — состязание не выявило победителя. Что повелевают законы предков в таком случае? Продолжить поединок верхом было бы нечестно — преимущество в седле у одного из стрелков лишит соревнование чести. Решать тебе, вождь.

— Спроси у духов… Призови фравашей… Пусть будет победитель! — неслось с кургана голосами сотен воинов, желавших увидеть развязку.

— Будь по-вашему, — Тириасп поднял булаву; золото вспыхнуло на солнце, призывая к молчанию. — Поступим, как поступали деды наши: выберем по защитнику за каждого стрелка. Пусть их спор укажет путь к истине. Пусть покажет, кто больше достоин победы.

— Мудро сказано. Вождь напомнил нам о наших древних традициях, — проскрипел голос верховного жреца. — Кто встанет за согдийца Фравара?

Гул на кургане оборвался, и саки выдохнули в едином порыве. Болхан шагнул вперёд и встал за спиной молодого человека.

— Я, Болхан, кого ни один сак не упрекнёт ни во лжи, ни в корысти. — Его лицо, иссечённое морщинами от ветра и солнца, светилось такой уверенностью, что гул на кургане мгновенно затих. Отец, вставший против дочери, — жест, достойный уважения. Пользуясь тишиной, старый воин продолжил. — Все знают, как я люблю свою дочь. Мне, её отцу, воспитавшему девочку с малых лет без материнского тепла, ведомо, куда ступит копытом её конь и куда полетит её стрела. Так кто станет моим противником и встанет за мою дочь?

Склон загудел — и затих. Ни один воин не двинулся. Если против неё выступает сам отец… Кто же станет ему противиться?

— Я, вождь, значит, Зарина и моя дочь тоже! — Тириасп спустился с кургана и встал за спиной у Зарины. — Что же, приступим, а рассудит наш спор пусть Раданфар.

Курган, ответив одобрительным гулом, принял волю вождя.

— Скажи, вождь, — Болхан взял у Фравара лук, искусно украшенный золотом, и поднял его к солнцу, и он засиял подобно булаве Тириаспа, — чей это лук? Чьи стрелы натянул согдиец?

— Мои, — Тириасп вынул из колчана стрелу с оперением, обвитым золотой нитью. — Я вручил их ему за подвиг на охоте — за выстрел в глаз разъярённому тигру. За это он и зовётся тем, кто бьёт в конский волос.

— Тогда скажи, отец саков, узнал ли ты свою стрелу, торчащую из шеи джейрана во время гадания у священного огня? — Болхан бросил короткий взгляд на Зарину и заметил, как её щёки полыхнули огнём. — Напомни, благородный Тириасп, сколько стрел носит сак в колчане.

— Сорок, если это воин. Вождь носит пятьдесят, — последовал уверенный ответ вождя, пока не понимающего, куда клонит Болхан. — Пустой вопрос — это знает каждый ребёнок.

— Тогда я спрошу у дочери. — Болхан вернул лук Фравару и ладонью коснулся его кисти — коротко, как отец касается сына перед битвой. — Скажи, Зарина, сколько стрел было в колчане у согдийца, когда он пришёл на собрание?

Зарина опустила глаза и тихо прошептала:

— Сорок девять.

— Где же была пятидесятая, если самку джейрана убила стрела Зарины? — Тириасп вопросительно посмотрел на согдийца. — Ты же не мог её потерять?

— И не потерял! — Болхан открыл кожаную суму и бросил к ногам Тириаспа пятидесятую стрелу с пронзённой ею змеёй. — Вот она. Я нашёл её в стволе тополя — над тем местом, где стояла моя дочь. Фравар не стрелял в зверя. Он стрелял в смерть, что нависла над её шеей.

Тишина легла на курган, плотная и благоговейная.

— Выходит, он и вправду тот, кто бьёт в конский волос, — Тириасп обнял девушку за плечи. — Согласись на поражение, дочка. У тебя будет муж, достойный дочери царя.

— Прости, вождь, но он станет моим мужем, когда догонит меня на скачках, — девушка гордо подняла голову, не забыв при этом одарить парня очаровательной улыбкой. — Или когда я сама отдам ему платок.

Глава 8. Аргамак

Ты обойдён наградой? Позабудь.
Дни веренщей мчатся? Позабудь.
Небрежен ветер: в вечной книге жизни
Мог и не той страницей шевельнуть…
Омар Хайям (перевод Ивана Тхоржевского)

Летний зной гармапада миновал, и сакская степь задышала спокойной зрелостью: травы выгорели до золотисто-соломенного оттенка, а бескрайние просторы Фравару казались отлитыми из меди. Равнина близ кочевья блестела под низким, уже не таким горячим солнцем, и сухой прозрачный воздух ласкал согдийцу кожу и играл с волосами, запутавшись в его густых чёрных кудрях.

Близость зимы чувствовалась явственно: по утрам на травах оседала холодная роса, ковыли шелестели под осенним ветром, и лишь редкие кусты полыни сохраняли терпкую зелень, распространяя горьковатый пряный запах. Над холмами парил степной лунь — будто сторож уходящего лета, замерший между светом и тенью.

После того памятного дня, когда Болхан бросил к ногам Тириаспа пронзённую стрелой змею, Фравар с Зариной стали тенью друг друга. Они дышали одним воздухом, думали одинаково, пили воду из одного ручья, и высокое небо сакской степи обоих покрывало ласковым пологом.

Казалось бы, счастье вот оно, рядом — протяни руку, и оно польётся полноводной рекой, давая жизнь мелким ручейкам, какие однажды весной сами превратятся в полноводные реки. Но всякий раз, когда Фравар тянулся мыслью к этому счастью, что-то внутри сжималось и одёргивало его: ты ещё не заслужил. Прежде чем протянуть руку к счастью, согдийцу предстояло бросить аркан и выловить из табуна того самого буланого аргамака — единокровного брата Чёрного Вихря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.